

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ДАШКОВ
ПЛОД ВОООБРАЖЕНИЯ

Плод воображения тоже может быть запретным

Андрей Дашков

Плод воображения

«Снежный Ком»

2011

Дашков А. Г.

Плод воображения / А. Г. Дашков — «Снежный Ком», 2011

Новый роман Андрея Дашкова – динамичный, жесткий и многогранный. Роман-лабиринт, действие которого разворачивается в городе-призраке. Здесь материализуются «плоды воображения» – желанные, ядовитые, запретные. Участники странного «реалити-проекта» постепенно утрачивают чувство реальности, а сам «проект» оборачивается грандиозной мистификацией. Однажды запущенный механизм творения порождает следствия, не предусмотренные создателем. Иллюзии и действительность становятся взаимопроникающими и взаимозависимыми. Люди, мнившие себя творцами, оказываются марионетками «цифрового» дьявола. Одержимость чревата воплощением самых худших фантазий, слепая вера и самозабвенная любовь – спутники безумия, но обреченность и отверженность наделяют тебя иммунитетом против окружающего кошмара... «Это книга-лабиринт. Войдя в него, будет сложно вырваться из сумрачных коридоров, где перед читателем открываются все новые уровни и пласты скрытых смыслов. Сквозь сложную вязь интриги и непредсказуемые повороты сюжета проступают философско-метафизические концепции автора. Мистика оборачивается жесткой рациональностью, реальность выворачивается наизнанку, обнаруживая второе, третье дно... Напряжение растет, ветвятся сюжетные линии — чтобы в конце сойтись в безжалостную точку. Хочешь выйти из лабиринта? Пройди его до конца. Прочти его до конца. Пожалуй, «Плод воображения» — лучшая книга Андрея Дашкова на сегодняшний день» (Андрей Валентинов).

© Дашков А. Г., 2011

© Снежный Ком, 2011

Содержание

1. Соня паркует «девятку»	6
2. Параход: возврат к природе	8
3. Розовский и Машка пьют кофе	10
4. Бульдог мочится в последний раз	13
5. Бродяга заботится о Малышке	15
6. Оксана: «Будьте осторожны, детка»	17
7. Гоша опознает лесбиянку	18
8. Каплин знакомится с Оксаной	19
9. Нестор улыбается	20
10. Бродяга по-прежнему заботится о Малышке	21
11. Барский собирается удивить	23
12. Розовский и Барский пьют коньяк	24
13. У Сони чешутся руки	25
14. Параход и кот слушают Питера Тоша	28
15. Лада и Елизавета пьют чай	30
16. Розовский: закат Европы	33
17. Оксана и Каплин пьют вино	37
18. Нестор в «Эпицентре»	39
19. Барский дышит свежим воздухом	41
20. Оксана: «Не открывай эту дверь»	44
21. Елизавета в саду	48
22. Гоша наслаждается покоем	50
23. Лада знакомится с Параходом	53
24. Соня рассматривает картины	57
25. Каплин: В разбитом зеркале	59
26. Лада: Не умножая сущностей	61
27. Бродяга: Малышка ушла гулять	63
28. Розовский: Девочки во сне и наяву	65
29. Каплин идет по стрелке	67
30. Лада: «Кто это тебя так?»	70
31. Параход идет по следу	72
32. Розовский: «Чашечку кофе?»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Андрей Дашков

Плод воображения

1. Соня паркует «девятку»

До тех пор, пока Соня не увидела на стоянке перед театром «порше кайен» Барского, она думала, что попадет на очередное сборище лузеров. А чего еще ждать от участников сомнительного мероприятия... Была ли лузером она? Если судить по результату, в сухом остатке на сегодняшний день выходило – да. Но она не собиралась сдаваться, признавать себя побежденной, пережеванной и выплюнутой жизнью. Она намеревалась бороться до конца, насколько хватит здоровья, таланта и хитрости.

Вопрос цены ее не слишком волновал – пока, во всяком случае. В конце концов, не будь она готова поставить на карту всё, вряд ли оказалась бы здесь в качестве... а кстати, в качестве кого? Этого она точно не знала, и в этом заключался риск. Но что ей оставалось, кроме как рисковать? По правде говоря, она дошла до ручки. Некоторые долги лежали на душе тяжким бременем. Часть из них она могла отдать. Часть – только если ей повезет. Часть – никогда в жизни. Эта последняя часть была хуже всего. Соне пришлось констатировать, что тут ей не поможет даже запуск в непрерывный оборот ее не вполне юного, однако всё еще цветущего тела. А вот миллион евро – дело другое.

Но, само собой разумеется, миллион евро пригодился бы не только ей одной, и «порше» с номерным знаком «БАРИН» служил тому подтверждением. Хотя с чего она взяла, что любимчик судьбы тоже собирается участвовать в крысиных гонках? Может, он член какого-нибудь жюри или почетный гость. Самодостаточный ублюдок, которому ничего не грозит, кроме разве что случайной автокатастрофы или сердечного приступа. Как говорится, все под богом ходим. Впрочем, Соня отчего-то была уверена, что Барский сумел договориться насчет собственного благополучия даже с самим Господом.

Имела ли она право так думать? Ну, кое-какое имела. Когда-то она переспала с литературным львом, но случилось это по пьяной лавочке, и собранной информации было явно мало-мало для далеко идущих выводов. А как же интуиция? Соня не сомневалась, что без интуиции и чутья в литературе делать нечего, а в постели и подавно. И ее знаменитое чутье подсказывало: Барский вовсе не самодовольный придурок, как можно было подумать, глядя на выставленного напоказ «БАРИНА». А вот узнает ли он ее после того раза? Больше года прошло, и Соня полагала, что за минувшее время таких, как она, у Барского могло быть примерно триста шестьдесят пять. Тут даже уникальная зрительная память не поможет.

Ладно, черт с ним, с Барским. Ей терять почти нечего, а выиграть можно много, очень много, и не только пресловутый «лимон». Если это не шанс, выпадающий только раз в жизни, тогда она вообще не знает, чего еще от жизни ждать. А ведь кое-кто ждать не станет... Соня стиснула зубы и припарковала свою почти убитую «девятку» за три места от «порше». Заглушила двигатель и оглядела себя в зеркале.

В этом действе не было ни капли самодовольства. Она просто проверяла оружие, данное ей судьбой. Не такое уж безотказное, не самое броское, не всегда годившееся даже для самозащиты, не говоря о нападении. Но – какое есть. И она следила за ним, старалась по мере возможности снабжать качественными боеприпасами и смазывать после употребления. Конечно, всё это немного напоминало игру, в которой постепенно, год за годом, сдаешь позиции. Ну а кто в этой жизни выигрывает раз и навсегда? Только Будды. Даже Бодхисаттвы остаются, чтобы не бросать нас, бедняг, в круговороте дерьма. Скоро ей понадобится удача. Против чьей-нибудь помощи она тоже не возражала бы. Эй, Бодхисаттва, возьми меня за руку!

Напевая про себя бодрую старую песенку, которая наверняка пришлась бы по душе пожилому хиппарю, неторопливо прошагавшему перед капотом «девятки», Соня вылезла из машины и направилась ко входу в громадное здание, где сегодня должна решиться ее судьба. Ее – и еще двух десятков лузеров... ну ладно, писателей.

2. Параход: возврат к природе

Остановившись на верхней ступеньке широченной лестницы, ведущей в узкое горло единственной незапертой двери, человек по кличке Параход (именно так, через «а», не путать с каким-нибудь банальным суденышком на паровой тяге) в десятый, наверное, раз спросил себя, не слишком ли он стар для этой затеи. Ответ был ему известен достаточно хорошо, чтобы в десятый раз не повторять его; с другой стороны, разве кто-нибудь накладывал возрастные ограничения? Насколько ему известно, нет. Неплохая физическая форма претендентов подразумевалась, относительно «нестандартной обстановки» его предупредили в открытую еще во время предварительного телефонного разговора, на возможные «непредвиденные трудности» достаточно прозрачно намекалось. Возможно, тот, с кем он беседовал, просто проговорился, хотя вряд ли. Параход не помнил произнесенных фраз дословно; может, он просто угадал то, что крылось за модуляциями хорошо поставленного голоса, а может, просто слышал чужие мысли. Такое с ним тоже иногда случалось.

Он считал себя неплохо сохранившимся динозавром и почти уникальным явлением для своих лет. Ну да, иногда он выпивал и покуривал «травку», но без ощутимого вреда для здоровья и, как он надеялся, с пользой для сознания. Сознание порой расширялось настолько, что уже не помещалось в этой скучной мещанской жизни.

Что делать старому хиппи в «прекрасном новом мире» дигитальных мальчиков и отформатированных рекламой девочек? Жрать кал, который им скармливают под соусом технического прогресса? Сунуть голову в телящик (или не приведи господи в мусоропровод Паутины), чтобы там и остаться? «Система» давно мертва; настоящая музыка покоится в склепах фонотек, а многих из тех, кто ее делал, и вовсе нет в живых.

Параход чувствовал себя ископаемым, потерявшим право на существование, и тем не менее у него были убеждения, у него был свой взгляд на то, почему рано или поздно коммерция пожирает с пользой для себя все идеалы, не говоря уже об идеалистах – те очень скоро становятся самой питательной и вкусной едой. Более того, переваренные идеалисты удобряют почву, истощенную торгашами, дают ей новую жизнь. Вернее, подобие жизни, когда человек приходит домой после работы, чтобы забыться у экрана или всю ночь нажимать на клавиши, сражаясь с компьютерными монстрами, которые не в состоянии тягаться даже с их ночными кошмарами. И эти наркозависимые еще называли наркоманом его – человека, мирно покуривавшего свой косячок на зеленом холме сбоку от дороги в ад, по которой все они катились, радостно визжа при звуке очередной погремушки, отвлекающей от проблем, усыпляющей, заменяющей реальность, бога, любовь... о чем там еще они спорили до хрипоты лет тридцать назад, пока их мозги не заплыли жирком, а в последние годы еще и поджарились как следует на смехотворных алтариках мобильных телефонов?

Уф! Вперед, Параход. Это будет твое бегство из личного ада. Твой возврат к природе. Пусть не такой красивый, как у всяких там Ральфов Эмерсонов (в двадцать первом веке уже никто не может себе этого позволить), зато смахивает на революцию. Маленькую тихую революцию в одной отдельно взятой голове. Сначала мирную и бескровную, а потом – кто знает. О нем заговорят, о нем услышат. Он сам скажет о себе. Не ахти какая проповедь, особенно если ему достанется немая роль, однако где теперь все крикуны и горлопаны, оравшие о «новом порядке», о том, что старой, впавшей в маразм цивилизации пришел конец? Их нет, они сдохли, надорвавшись, или расстреляны, или заперты в психушках. Параходу вовсе не хотелось умирать или сидеть в психушке. Он был бы идиотом, если бы стремился к чему-то темному, смертельному и мрачному. Он искал свой путь к истине, неповторимый и уникальный.

И если его путь начнется отсюда и продолжится под ненавидимые им фанфары телевизионщиков, значит, неисповедимость всё еще присутствует. Неисповедимость всё еще нашептывает советы, когда радость и надежда давно уснули.

3. Розовский и Машка пьют кофе

Машка заехала за ним на полчаса раньше условленного. Оставалось немного времени на кофе, а вот на постельные забавы – уже нет. А жаль. Розовский предполагал, что командировка (так он предпочитал это называть) может затянуться надолго. И как знать, найдется ли *там* возможность поразвлечься, ну а о том, чтобы вызвать Машку на объект, не могло быть и речи. Она сломает ему весь кайф, хуже того – она сломает ему карьеру.

Розовский предпочитал не смешивать профессиональную деятельность с половой. Поэтому заранее смирился с долгой разлукой, любясь Машкой на некотором расстоянии, впрочем, небольшом. Она не была похожа на стереотипную модель. Кто-кто, а Розовский вдоволь пообщался с этими фригидными жадными сучками, еще когда пописывал для гламурных журнальчиков. И не только пообщался, но и намучился с одной из них... Хорошо, что те времена позади, а Машка совсем другая.

Сейчас, глядя на ее фигуру в лучах солнца, падавших через французское окно, он представлял ее себе в совсем другой обстановке – ночью, при багровом свете их излюбленного «адского» светильника. Она сногшибательно смотрелась на черных простынях. И не менее сногшибательно – снизу, когда возвышалась над ним, распростертым навзничь, и вонзала ему в печень острый каблук сапога. Хлыст в ее руке становился его пропуском в оргазм. В такие минуты он готов был молиться на нее. Красноватый ореол вокруг ее головы казался ему чуть ли не нимбом, и, само собой разумеется, ночью она не была для него «Машкой». Ночью на языке вертелись совсем другие имена...

Кофе-машина отвлекла его от приятных воспоминаний. Две чашки наполнились ароматной жидкостью. Машка расположилась в кресле напротив. Приготовилась слушать. Розовский ей, как ни странно, доверял. А больше доверять было, пожалуй, некому. Даже удивительно, когда она успела втереться к нему в доверие. Ведь не хлыст же был тому причиной. Или все-таки хлыст? А может, этот ее взгляд, проникавший ровно на такую глубину, до которой сам Розовский готов был обнажить свою многосложную душу? Похоже, верно последнее. Это дарило ему приятную иллюзию взаимопонимания и избавляло от одиночества, а чего еще можно желать от женщины? Бог ты мой, да он, оказывается, настоящий счастливчик!

Машка, должно быть, что-то предчувствовала – недаром примчалась пораньше, чтобы побыть с ним подольше. И это несмотря на больного ребенка. Нет, Розовскому определенно повезло с любовницей. Хотя почему «повезло»? Он хорошо платил за удовольствие. Ребенок находился под компетентным присмотром благодаря его деньгам. Да и «БМВ», на котором ездила Машка, был, по сути, его подарком. Вернее, инвестицией. Тут он не прогадал. И надеялся, что везение не изменит ему и в будущем, в частности на этом долбаном *проекте*.

Однако из головы не шел долгий разговор, о котором он хотел бы поскорее забыть и на который угробил минувшую ночь. В результате остался без жестоких ласк и вдобавок заработал головную боль. Должно быть, это отразилось на его лице – слегка помятом, слегка посе-ревшем.

Машка, умница, в душу не лезла, терпеливо ждала. Эта ее деликатность порой наводила его на подозрения в изощренном коварстве. Почти сразу же он подавлял их, упрекая себя в паранойе. С другой стороны, Машка не раз давала ему дельные советы или хотя бы оказывала психологическую поддержку. Опять-таки, многие ли могут похвастать, что получают это даже от своих благоверных?..

Кофе поначалу был слишком горячим, но Розовский кривился по другому поводу.

– Эти клоуны... – начал он, подразумевая телевизионщиков. Тех, кто собирался вложить в проект огромные бабки.

Машкина улыбка сообщила ему, что она готова услышать об «этих клоунах» побольше и поподробнее.

– Оказывается, у них еще ни хрена не готово. Они даже с местом не определились.

«А когда определятся?» – Чуть приподнятые брови на лице святой. Или все-таки блудницы?

– Ну, у них были заготовки. Три варианта. По-моему, все три – полное дерьмо.

«И ты...»

– Я им так и сказал. Ну... почти так. Ладно, поехали. – Он отставил недопитую чашку. – В машине поговорим.

В машине он запрокинул голову и закрыл глаза. Машка вела плавно и осторожно. Их «диалог» продолжался. Ему не требовалось видеть ее, чтобы угадывать реплики.

– ...Еще до того, как кто-то из них открыл рот, я знал: без острова мы не обойдемся.

«И, конечно, ты не ошибся».

– Как в воду глядел. Первый же клоун доложил: остров присмотрели, но придется поработать над антуражем. Они мусолили это в течение получаса, пока Генеральный не вспомнил о моем существовании и не спросил, что я об этом думаю. Я ответил: ребята, вы станете посмешищем. Все эти «последние герои» уже в печенках сидят. Да еще старушка Кристи наследила со своими «Десятью негритятами»... В лучшем случае вы сделаете что-нибудь похожее на «Затерянных», но всё равно это будет тухлый продукт. Они спросили: что *ты* можешь предложить? Я говорю: я здесь не за тем, чтобы предлагать. Мое дело – книга, как изначально договаривались. Документ, написанный кем-то из «своих». Вы этого хотите, и мне это нравится. Вскроем подноготную – но только потом, когда всё закончится и немного уляжется шум. Тогда настанет черед бомбы, которая всё перевернет с головы на ноги... или с ног на голову. Какой-то чистоплюй встрял: мол, поаккуратнее с дерьмом... летит во все стороны. Я спросил его: сынок, сколько тебе лет? А раз уж ты сюда попал, то почему ты такой простой? В общем, решили: хрен с ним, с островом. Далеко и дорого. Если что-то выйдет из-под контроля, куча бабла сгорит синим пламенем... Тогда какой-то педик предложил: давайте попробуем лайнер. Или даже два: отделим писак от «креатур». Радикально. А те пусть воют.

«Стоп. Кто сказал “пусть воют”?»

– Да я, я это сказал.

«Почему ты уверен, что дело дойдет до...»

– А ты сомневаешься? Я тебя умоляю! Перегрызутся на следующий же день.

«Значит, надо найти им общего врага».

– Думаешь, это поможет?

«Вижу потенциальные возможности. Допустим, в один прекрасный день лайнер захватили бы пираты. Настоящие. Или почти настоящие...»

– Дешевка. Машка, тебя надо запустить к этим клоунам. Хотя нет, нельзя. Куда я без тебя. К тому же они все там, кажется, педики... Короче, вариант «лайнер» не прошел. Кто-то из крохоборов, считающих чужие бабки, проснулся: почему тогда не какой-нибудь гребанный замок, дворец, особняк?

«А это уже смахивает на...»

– Да разве только на него! Я говорю: было, ребята, было. Вспомните Паланика! Ты думаешь, они знают, кто это? Черта с два. Ну, Генеральному простительно, ему некогда. Пришлось излагать. Он даже затребовал себе книжку. В общем, смех и грех. Потом кто-то еще родил: а если отель? Я им: почитайте Дашкова. У него там десяток придурков, запертых в гостинице, через неделю начинают жрать друг друга. В буквальном смысле. Они мне: неужели? Я им: ребята, давайте откровенно, все мы не святые. Нам придется попотеть, чтобы проект не вышел из-под контроля. Тот самый чистоплюй снова встрепенулся и ядовито так спрашивает: а *ты* не боишься? Я говорю: боюсь. А когда я боюсь, из меня чумовой продукт прет. Я начинаю ссать

шампанским, напитком победителей. Так было в Чечне, а еще, если помнишь, во время того репортажа про наркотрафик, когда меня чуть не грохнули...

«Конечно, помню. Розовский, тебе равных нет, когда ты боишься. И если мой хлыст...»

– Ладно, ладно, не сейчас. Наконец, еще одного из этих «гениев» осенило: монастырь! Мол, найдем заброшенный, а не найдем, так монахов отселим, заплатим попам компенсацию, никто не пикнет. Тут уж меня растащило, говорю: ага, только давайте без отселения, а монастырь пусть будет женский. Им понравилось. Нет, серьезно. Генеральный даже бутылку откупорил...

«Да, Розовский, у тебя и с юмором всё в порядке. Только ты не забыл, случаем, зачем на всю эту хрень подписался?»

– Вот за что я тебя люблю, Маша. Умеешь ты меня на землю опустить. И вообще...

«Подъезжаем».

– Короче, на часах было уже около трех. Я им говорю: ладно, я сегодня добрый. Как насчет вымершего города? В восточных регионах таких хватает. Я сам знаю один на побережье...

«И я знаю. До побережья, правда, далековато, зато местечко что надо. Город-призрак. Совсем мертвый. Только умоляю, Розовский, не суйся туда без свинцовых трусов!»

– Вот-вот. Об этом тоже поговорили. Но в Зону все-таки решили не лезть. С нашими-то властями проблем не будет – бабло все любят, да и те, кто нужен, давно прикормлены, – а вот зарубежники хай поднимут. Шила в мешке не утаишь...

«Розовский, оно тебе надо?»

– Примерно так я себе и сказал: расслабься, Розовский. Твой главный выход еще впереди. Ты такое напишешь, что не одни только иностранцы взвоют, да поздно будет. Маша, эти клоуны не догадываются, с кем связались...

Машина остановилась; он открыл глаза. Мария больше не улыбалась. Впервые за много недель он не мог понять, что выражало ее лицо.

4. Бульдог мочится в последний раз

Он получил свое прозвище за хватку. Так, во всяком случае, ему самому нравилось думать. Однако его внешность тоже вполне могла быть причиной, притом главной.

Бульдог, начавший свою карьеру охранником в клубе, никогда не думал, что пиком ее станет выселение «дикарей» из мертвого города. Такова особенность его работы: не знаешь, что ждет тебя завтра. Ненормированный рабочий день и порой не вполне вменяемые клиенты. Опасность? Но он ведь не мафиозного босса охраняет. Вот потому он и предпочитал иметь дело с людьми из шоу-бизнеса: работенка бескровная, все в основном на понтах, а платят очень прилично. Впрочем, как всякий опытный охранник, Бульдог знал: однажды (хотя бы однажды) случается нечто такое, что не окупается никакими деньгами. Но только, пожалуйста, не в этот раз, не на подъеме, когда он возглавил целую службу безопасности и имел контракт на полгода вперед.

Проект еще не стартовал, и город был пуст, если не считать бомжей, крыс и бродячих собак. Эти, возможно, уже дошли до того, что жрали друг друга – причем в разных сочетаниях. Бульдог предпочитал не углубляться в тему. На сегодняшнюю ночь он имел вполне определенное задание: очистить город от нежелательных элементов. Почему ночью? Хороший вопрос, на который у него имелся хороший ответ. Не далее как вчера днем он видел в небе две вертушки телевизионщиков, а уж сколько проныр из журналистской братии торчало в мотелях и кемпингах по обе стороны ближайшего шоссе... Неприглядные стороны жизни предпочитали скрывать не только поп-звезды и рокеры-отморозки, с которыми Бульдогу тоже приходилось работать. Все что-то скрывали, и он не был исключением. Поэтому он никогда не задавал тем, кто его нанимал, неудобных вопросов, а делал свое дело. Этой ночью – как всегда.

Под его началом находилось четыре десятка человек, семеро из которых были членами постоянной команды, а с каждым из остальных он побеседовал лично. Этому предшествовал тщательный отбор, так что относительно качества своих кадров Бульдог мог быть спокоен. Что же тогда внушало ему неопределенное беспокойство? Во всяком случае, не те «фримены», которых его люди уже обнаружили в заброшенных зданиях. Аутсайдерам не на что было жаловаться. Они сидели в теплом трейлере, набивая желудки так, как, наверное, не доводилось последние лет десять, а если говорить о том, что их ожидало... Это не к Бульдогу. Он не был работником социальных служб. Он считал, что, покуда ты не инвалид, всегда можешь заработать себе на приличную жизнь своими мозгами, а если природа и родители обделили мозгами, то хотя бы мускулами. В противном случае придется довольствоваться объедками с чужой свалки. И тогда не говори, что мир устроен несправедливо.

Он вылез из своего «ленд ровера», чтобы немного размять ноги. Под яркими звездами голоса в наушнике зазвучали иначе, как будто отдалились на пару световых лет. Посреди погруженного во тьму города затерянность ощущалась куда сильнее, чем в чистом поле или даже в лесу. Бульдог хмыкнул. Наверное, это первые признаки приближающейся старости. Недалек тот день, когда ему придется задуматься об уходе на покой или получить синекуру в какой-нибудь сонной конторе. Пожалуй, после успешного завершения этого проекта он сможет позволить себе вообще не работать. До конца своих дней. И, как Бульдог надеялся, конец этот наступит не скоро.

Он переключился на другой канал и послушал, чем заняты ребята из третьей группы, которая прочесывала северо-западную окраину. Этим не позавидуешь – территория почти целиком представляла собой бывшую промышленную зону. Соответственно, и дела у них шли помедленнее. Остальные три группы закончили операцию в своих секторах, и Бульдог перебросил часть людей на северо-запад.

Несмотря на великолепие в небесах, здесь, внизу, на грешной земле, было темно хоть глаз выколи. Бульдог не стал отходить далеко от машины, чтобы помочиться. Струя лишь слегка серебрилась в звездном свете. Что касается журчания, то оно едва слышалось, но этого оказалось достаточно, чтобы Бульдог не расслышал других звуков. Непростительным явилось и то, что до последнего момента он ничего не *почуял*. Когда сигнал опасности звякнул у него в мозгу (сначала спинном, а через долю секунды импульс добрался и до головного), было уже поздно.

Мощный удар, нанесенный каким-то металлическим предметом, пришелся в основание черепа. Бульдога не спас даже толстый слой мяса, покрытый короткими волосками и напоминавший загривок откормленного шарпея. В голове взорвалась черная клякса. За исчезающе короткое мгновение этой безмолвной вспышки, которая не имела ничего общего со светом, Бульдог узнал напоследок, насколько несправедливым может быть мир и насколько тщетными – ожидания.

5. Бродяга заботится о Малышке

Он проснулся оттого, что Малышка громко стонала во сне. Несколько секунд он прислушивался, а потом понял: дело не в каком-нибудь безобидном кошмаре. Он любил ее слишком сильно и слишком много времени провел в городе, где по ночам хозяйничал Безлунник, чтобы не улавливать разницы между плохими снами и шепотом смерти из темноты за веками. Малышке что-то угрожало, и это «что-то» было не просто плодом церебрального возбуждения. Он знал: опасность вполне реальна.

* * *

Бродяга боялся. Боялся до дрожи в коленях и холодного пота. Но его страх не имел значения. Он свято верил: для таких, как он, ад наступает задолго до смерти. Иногда расплачиваться за содеянное приходится уже в этой жизни. И его ад наступил. Правда, это случилось не тогда, когда его бросили в камеру к уголовникам и те делали с ним что хотели (а делали они очень нехорошие вещи), – это было очень больно, но это был еще не ад. И даже не тогда, когда его заперли в психушке и он не видел белого света в буквальном смысле в течение двенадцати лет. Ад начался после того, как он, пациент, считавшийся неизлечимым и пожизненным обитателем дурдома, каким-то чудом сбежал оттуда и стал бродягой.

Вскоре он понял: «чудо» организовал Бог. Так Бог наказывал его. Бог уготовил ему испытания, которые прежде бродяге и не снились. Бог лишил его имени, достоинства, памяти. Бог забрал у него душу, чтобы бродяга вспомнил: его душа и так принадлежит Богу.

Существование без души длилось долго, гораздо дольше, чем вся предыдущая жизнь. Только вечность в аду могла длиться дольше. А потом Бог послал ему утешение. Бог привел его в этот мертвый (но не совсем) город и здесь позволил ему встретить Малышку. Девочку четырех или пяти лет. У нее уже не было ни матери, ни отца. Как и у бродяги, у нее никого и ничего не было.

Он давно сбежал бы отсюда, если бы не Малышка. Однажды Бог сказал ему: останься! Бог приказал: охраняй ее! Этим он, бродяга без имени и без души, искупит свою вину. Этим он искупит ужасное убийство, которого, возможно, не совершал.

* * *

Он вскочил со своей лежанки и первым делом бросился к Малышке. Стоны стихли, как будто неведомым образом она, не просыпаясь, почувствовала: он предупрежден, теперь он позаботится о ней.

Не волнуйся, детка. Я позабочусь обо всем.

Бродяга направился к окну. Он не случайно выбрал этот дом на холме. Со второго этажа открывался неплохой вид на город – на все четыре стороны света и тьмы. Поздней весной южная окраина утопала в розовой дымке яблоневого цвета, но сейчас уже была не весна и любоваться было нечем. Следовало вглядываться во мрак и уповать на милость Бога, который (бродяга верил и в это) даст знак, если сочтет его достойным жить дальше.

И он узрел такой знак.

Скращение лучей на горизонте. Светящаяся буква «Х». Косой римский крест, вроде тех, на которых распинали первых христиан. Только те кресты были деревянными, окропленными кровью, а этот, далекий и гигантский, был целиком соткан из света и двумя своими продолжениями уходил в небо. Как послание, направленное к звездам.

Но бродягу не интересовали звезды. Бог запретил ему поднимать голову выше горизонта. Его проклятая дорога пролегла по земле, среди грязи, праха и мерзости греха. И сейчас грех приближался – грех, нашедший себе пристанище в людях, которые хотели отобрать у него Малышку, снова запереть его в комнате с упругими стенами, а девочку сделать подобной им всем – растленной жадной мещанкой.

Он не позволит им учинить непотребство, вернее, *попытается* помешать (на всё ведь воля Божья!), не жалея сил и самой жизни. У них было оружие, машины и средства связи, на их стороне была извращенно понятая мораль и вся система подавления инакомыслия. Ну и что? А на его стороне был Бог, и Бог разговаривал с ним через Малышку. Божья милость безгранична – иначе откуда взялась бы надежда?..

Взяв спящую девочку на руки, бродяга спустился в подвал, где находилось хорошо замаскированное укрытие. Здесь он не только отсиживался плохими ночами, когда по округе бродил Безлунник. Здесь он понемногу учил Малышку грамоте и всему тому, что знал сам. Нельзя сказать, что ее это очень интересовало – она почти всегда спала и почти всегда молчала, – но он учил ее, считая своим долгом подготовить ее к самостоятельной жизни, которая неизбежно начнется, когда наступит его смертный час.

Ведь в один прекрасный день, около года назад, Бог вернул ему память.

6. Оксана: «Будьте осторожны, детка»

Она понимала, что неудача может поставить крест на ее карьере. Если не хуже. Чем меньше времени оставалось до *запуска*, тем сильнее она сомневалась, даже вообще была готова отказаться от участия в проекте. В конце концов отказался же М***, когда узнал, что придется не только сочинять для «креатуры», но и самому находиться в гуще событий. С другой стороны, от жеребьевки не отказывались люди, которым было что терять – и в личном, и в профессиональном смысле.

За минуту до того как по желобу выкатился шар с ее номером, она поймала на себе взгляд седоволосого старикана с «хвостом». Правда, благодаря джинсовому костюму и поджарой фигуре старикан выглядел лет на двадцать моложе. Когда их глаза встретились, он ей подмигнул. В этом не было ни фамильярности, ни попытки подбодрить симпатичную девчушку. И, конечно, это не было нервным тиком. Она поняла, что это сигнал, но еще не знала, какой именно. Через минуту всё стало ясно. Седому старикану выпало быть ее «креатурой».

После жеребьевки она видела его только издали. Их намеренно разделили. Считалось, что более близкое преждевременное знакомство привнесет слишком много личного в их дальнейшие «отношения». Глупость, если вдуматься. По всей видимости, организаторам казалось, что это всего лишь бизнес. Беглого осмотра должно было хватить, чтобы оценить внешние параметры «креатуры» и прикинуть, каковы ее физические возможности. Но этого мало, чтобы определить ее порог чувствительности и хотя бы приблизительно узнать, что у нее на уме. В принципе, подразумевалось, что «креатура» будет абсолютно послушна воле своего «хозяина». И оставалось выяснить совсем пустяковую вещь: куда заведет эта самая «свободная» воля?

А потом Оксане уже было не до сомнений. Колеса завертелись, и весь механизм стал набирать обороты.

На ступенях рядом с ней остановился Павел Барский. Литературный лев не впервые удостоивал ее вниманием. Ей это не льстило. Она подозревала, что помыслы у него вполне плотоядные, – должно быть, он полистал на досуге ее «Дневник девственницы».

– Ну что, юное создание, вас подвезти?

Вот поэтому ее нынешний статус казался ей заниженным. Снисходительность. Ирония. Она не удивилась бы, если бы он назвал ее «деткой». Но однажды людям вроде Барского придется засунуть свою иронию поглубже. А конкретно этот мужчинка пусть побережет ее для своих стареющих любовниц.

– Я еду с ним. – Легкий кивок в сторону принадлежавшего Каплину внедорожника, на крыше которого был закреплен горный велосипед.

Барский прищурил глаз.

– А-а, наш доморощенный Том Харрис... Будьте осторожны, детка. Вы что-нибудь слышали о катексисе?

Больше всего ей хотелось послать его подальше, но она была достаточно взрослой, чтобы понимать: время для этого еще не наступило. Она улыбнулась одним ртом и сказала, растягивая слова, будто жвачку:

– С удовольствием побеседовала бы с вами подольше. Но у меня обед со старым другом.

И направилась навстречу Каплину, который и не подозревал, что обзавелся попутчицей.

7. Гоша опознает лесбиянку

Поначалу он был разочарован тем, как легли карты, хотя кому-кому, а ему не привыкать к разочарованиям. Если из тебя не вышло чемпиона, а в лихие годы ты не пригодился даже бандитам, оставалось либо тихо спиваться, либо воровать по мелочам и в конце концов сесть за решетку. Был, правда, еще третий путь: вложить в кого-нибудь душу. Вырастить настоящего панчера. Сделать из него то, чем не сумел стать сам. И Гоша занимался этим семь лет. Семь лет жизни, килограммы пота и нервных клеток были принесены в жертву дурацкому, но неодолимому человеческому желанию вскарабкаться однажды на вершину мира, пусть даже в качестве тренера. И это казалось вполне реальным.

Парень действительно был перспективным. В умелых руках и при бережном отношении он мог со временем стать лучшим. Бывший боксер встретил его на улице, когда случайно стал свидетелем уличной драки. Ну, не совсем случайно и не совсем свидетелем... Скажем так, Гоша собирался вспомнить молодость, но ему вряд ли что-то светило против четверых, вооруженных кастетами и ножами. И он уже видел на асфальте свои зубы, а вскоре мог увидеть и кишки, когда вдруг появился этот щенок. С виду – обычный пацан, без каких-либо навыков. Но в нем что-то было. Скорость и желание драться. Бесстрашие, граничившее с безумием, впоследствии сыграло с ним плохую шутку, но тогда Гоша думал не об этом. Тогда он вдруг почувствовал, что в том вонючем закоулке его существование снова обрело смысл. И, пожалуй, следующие семь лет действительно оказались не самыми худшими в его жизни.

Он сделал из парня бойца и преподнес его на блюде профессиональной ассоциации, а дальше всё покатило по наклонной. У щенка сорвало крышу, и однажды тот решил, что ему нужен другой, «взрослый» тренер. Гоша не пытался что-либо изменить и не лез с душевными разговорами. Он тихо отошел в сторону – в конце концов у него не было даже контракта. Он наблюдал за дальнейшей карьерой бывшего подопечного издали, с горечью отмечая наметившиеся изменения к худшему. Но и тогда еще было не поздно всё исправить...

После очередного сомнительного боя Гоша не выдержал, переступил через самолюбие и попытался вернуть утраченное. Это было все равно что разговаривать с мертвыми. Его не пустили дальше приемной менеджера, а «воспитанник» не удостоил его беседой. И всё пошло так, как должно было пойти.

Щенок поднимался быстро – самому Гоше в таком возрасте подобный взлет и не снился. Известность, женщины, деньги... Увидев по ящику один из последних боев, Гоша понял: всё кончено. И не ошибся. Что-то ушло безвозвратно. Когда дяди из ассоциации тоже поняли, что клиент выдоен досуха, они выставили сопляка на бой, после которого тот сделался инвалидом.

Получив такой, мягко говоря, удар под дых, Гоша положил на всё и жил как жилось. Ничто больше не имело для него особого значения, и потому он вряд ли сумел бы толком объяснить, зачем снова ввязался в драку. Нет, на этот раз речь шла не о мордобое, хотя, возможно, дело дойдет до кулаков или чего-нибудь посерьезнее. Похоже, он просто одурел от скуки, а может, питал тайную надежду на скорый конец.

Тем не менее он немного разочаровался, когда узнал, что в результате жеребьевки оказался «креатурой» бабы в кожаном прикиде, в которой с первого взгляда опознал лесбиянку. Какую жизнь она могла ему дать? И, что важнее: какую смерть? Гоше не хотелось подохнуть как-нибудь смешно или нелепо – он даже не знал, что хуже. А от этой стервы в черной коже можно было ожидать всякого; ясное дело, такая не упустит случая отомстить.

8. Каплин знакомится с Оксаной

Завистники называли его конъюнктурщиком и упрекали в потакании низменным вкусам. Он только улыбался в ответ: собака лает, караван идет. Сам он полагал себя человеком, не обойденным удачей, умеющим направить энергию в нужное русло и не растрачивающим время по пустякам. Кроме того, он умел работать – ежедневно и без ссылок на капризы «вдохновения». В результате в неполные тридцать он был одним из самых успешных писателей своего поколения, и от него ждали большего. И он чувствовал, что оправдывает эти ожидания.

Всё складывалось как нельзя лучше – в жизни бывают периоды, когда кажется, что благоприятный ветер несет тебя напрямик к земле обетованной, а рука судьбы вдобавок устраняет препятствия. Далеко не каждый сумел бы этим воспользоваться. Каплин обладал достаточным упорством, чтобы пройти весь путь до конца, и, кроме того, был от природы наделен мужским обаянием, позволяющим сделать дорогу как нельзя более приятной.

Похоже, это срабатывало даже в тех случаях, когда он не прилагал вообще никаких усилий. Заметив красивую девушку, идущую к его «ниссану», он подумал: а может, проект уже запустили, не сообщив участникам? Первый контакт; их снимают скрытой камерой. Вроде бы не совсем чистый прием, но чего он ждал от телевизионщиков, этих рейтингопоклонников, – честной игры? С другой стороны, девица была не из отобранных «креатур», и, кажется, он ее уже где-то видел. А, ну да – «Дневник девственницы». Оксана как-ее-там... Удачно пропиарилась, а кроме того, действительно хорошо написано. Остроумно, парадоксально, местами даже лихо. Как будто монашку осенила благодать и она, осененная и предохраненная этой самой благодатью, понеслась по миру узнавать, чего лишилась, отказавшись от мирской жизни. Самое смешное, что в конце выясняется: ничего она не потеряла, ровным счетом ничего. В общем, да здравствует девственность. И да здравствуют обеты.

Нет, девица определенно непроста. Тем лучше. Простота хуже воровства. В литературе Каплин предпочитал недосказанность, в отношениях с другим полом – легкое скольжение по краю. Это позволяло избегать ненужных излишаний и не обнаруживать своих слабостей (а в том, что их достаточно, он не сомневался). И еще это позволяло ему выглядеть тем, кем он выглядел, – едва ли не самое важное в наше время, когда видимость и сущность желательно хранить на разных депозитных счетах, а лучше всего – в разных банках.

Помня об этом, Каплин включил улыбку, которая открыто сообщала всему миру, что он просто хороший парень, и сказал, опережая девушку:

– Вы ведь Оксана, да? Давно хотел с вами познакомиться.

– Я тоже, – сказала она.

В принципе, их потянуло друг к другу и без лишних слов, но взаимопонимание значительно укрепилось, пока он подвозил ее к дому.

9. Нестор улыбается

Автобус, который вез их к месту назначения, оказался вполне комфортабельным, еда – отличной, а красивые стюардессы – предупредительными, выполняющими все приличные желания. Невольно закрадывалась мысль о жертвах гораздо более древнего идиотизма, которых всячески ублажали, прежде чем прирезать на алтаре и отправить к богам. Как ни крути, а прогресс был налицо: участие стало делом сугубо добровольным (подписание бумаг об отказе от претензий – не в счет), а к «небожителям» попадет только один. Вернее, двое, если иметь в виду «хозяина». В первую очередь «хозяина».

Как-то само собой получилось, что Гоша оказался сидящим рядом с молодым человеком хилого телосложения, которого окрестил про себя «семинаристом» и решил не давать в обиду, если, конечно, им не предназначено стать врагами. Правда, глядя на ходячую немочь, смахивающую на самые слащавые и давящие на жалость изображения Иисуса Христа, трудно было заподозрить, что «семинарист» может оказаться врагом кому-нибудь, кроме самого себя. Взор, большую часть времени устремленный в неведомые дали, казался взглядом блаженного – до тех пор, пока внезапно не фокусировался на чьем-нибудь лице и не обретал неожиданную остроту.

Гоша испытал это на себе, и ощущение было странным. Он покопался в памяти, но почему-то на ум приходило только одно воспоминание трехлетней давности: о том, как у него брали кровь из вены. Не сказать, что больно, но силы теряешь. Поэтому очень скоро он пересмотрел свое первоначальное мнение относительно «семинариста».

– Меня зовут Нестор, – сообщил тот дрожащим голосом невротика. – Ты думаешь, я немного не в себе?

– Я ничего такого не думаю, – заверил Гоша, слегка погрешив против истины, и тоже назвал себя. Нестор не заметил протянутой руки, во всяком случае, не предоставил свою анемичную лапку для рукопожатия. Вместо этого он осклабился, показав плохие редкие зубы.

– Не имеет значения. Вон там, – бледный указательный палец выпрямился по направлению движения, – настоящее безумие.

– И зачем тебе это? – Не то чтобы Гошу интересовал ответ; просто ему показалось, что вопрос логично вытекает из предыдущего короткого разговора.

Нестор захихикал, опровергая свое недавнее заявление, затем погладил сумку, поместившуюся на сиденье рядом с его правым бедром.

– У меня есть кое-что. Они удивятся... И это должно попасть туда. – Смех внезапно оборвался. Взгляд, холодный и пронизывающий, как порыв январского ветра, уперся в Гошину переносицу (еще триста миллилитров крови долой!). У бывшего боксера даже мелькнула мысль, не пронес ли придурок что-нибудь эдакое мимо детектора взрывчатки.

– А ты для начала удиви *меня*, – предложил Гоша, одновременно испытывая желание занять какое-нибудь другое кресло. В автобусе были свободные места.

– Любишь дешевые эффекты?

– Наоборот. Хочу спокойно отоспаться. Ты не против?

Нестор проигнорировал его слова.

– Знаешь, мы все – курьеры. Каждый что-то везет туда, даже те, кто ни о чем таком не подозревает. Они думают, это *их* игра. Не-е-ет. Это чужая игра. И ты даже не представляешь, насколько чужая.

– Ты меня притомил, Нестор. Закрой рот, хорошо?

Против ожидания, на лице «семинариста» появилась улыбка, которой Гоша уже не видел, потому что прикрыл глаза. Это была улыбка надзирателя концлагеря, уверенного в своей абсолютной власти над узниками.

10. Бродяга по-прежнему заботится о Малышке

Укрытие находилось под землей. Это была достаточно просторная камера размером пять на три метра, почти трехметровой высоты. Попасть в нее можно было, открыв поворотную звуконепроницаемую дверь весом в полтонны, которая служила заодно торцевой стеной гаража и снаружи была неотличима от обычной стены. Пустота за ней не обнаруживалась простукиванием, а вычислить скрытый объем не представлялось возможным без разноуровневых планов дома. Бродяга сомневался, что они вообще когда-либо существовали. Во всяком случае, он искал на совесть и ничего не нашел.

То, что он *случайно* наткнулся на хорошо замаскированный механизм управления дверью в первый же раз, как попал в этот дом, было ничем иным кроме Божьего промысла. Бог показал ему укрытие (возможно, созданное также не без Его участия), чтобы бродяга в случае опасности мог как следует спрятать Малышку, пока та была беспомощной и не научилась прятаться сама. Таким образом, всё было предопределено; оставалось только воспользоваться подарком. Кое-что шепнула ему Малышка, до кое-чего он додумался сам.

Когда он увидел камеру впервые, та была совершенно пуста. Стерильная чистота означала простор для его воображения, и без того порядком взбудораженного. Бродяга спрашивал себя, чем это помещение служило бывшему хозяину дома, и не находил однозначного ответа. Малышка считала, что в свое время камеру оборудовали для греховных утех. По ее словам, тут до сих пор пахло болью, сладострастием и принуждением. Иногда бродяге тоже так казалось, но порой он думал: а может, хозяин запирался тут, чтобы побыть наедине с Господом? Может, Бог вступал с ним, скрытым от посторонних глаз и ушей, в особый, жестокий, разговор, выдавливая из человека те самые боль, сладострастие, дерьмо и кровь? И человек выходил отсюда очищенным и обновленным, а потом... Что случилось потом, бродяга не знал. Он вообще не знал, почему опустел город и куда девались люди. Когда он появился здесь, исход уже завершился.

Гадать насчет назначения камеры он в конце концов перестал. Однажды ему пришло в голову, что, возможно, бывший хозяин дома и сам не подозревал о существовании укрытия. Это подтверждало первоначальную догадку. Если предположить, что обо всем позаботился Бог, становилось понятным, почему камера была пустой и чистой. Ведь она предназначалась для Малышки.

Хотя прятаться тут приходилось не часто, бродяга уютно обустроил укрытие, сделав из него подобие детской комнаты. В соседних домах сохранилось много всякого барахла, но он выбирал только самое лучшее. Кровать, столик, креслице для Малышки, жесткий топчан для себя. Даже если условия позволяли, он сам не позволял себе расположиться с комфортом. Он пока не искупил и десятой доли своей вины, и Бог еще ничем не дал понять ему, что он прощен. Или хотя бы – что Господь им доволен.

В укрытии хранился небольшой, периодически обновляемый запас овощей, которые он выращивал в огороде за домом, и фруктов из окрестных садов. Воду он брал из колодца. По подсчетам бродяги, в случае необходимости они с Малышкой могли продержаться в укрытии как минимум неделю, хотя слабо представлял себе, что должно случиться снаружи, чтобы на семь суток загнать его под землю. Безлунник бродил по городу исключительно в новолуние. Другие гости появлялись редко, и до сих пор ему удавалось договориться с ними по-хорошему. Правда, иногда в угловатую голову бродяги закрадывалась крамольная мысль, что конфликтов он избегал благодаря не столько своему миролюбию и смирению, сколько охотничьей винтовке, найденной в гараже. Он пускал ее в ход всего несколько раз и, надо отдать ему должное, никогда не обращал против человека. Однажды Малышка попросила свежего мяса, и бродяге пришлось поохотиться; также был случай, когда он отогнал от дома свору одичавших собак.

А вот попытаться с оружием в руках встретить Безлунника – такое не могло присниться бродяге даже в страшном сне. В его представлении Безлунник был неуязвим для пуль и патрулировал территорию, чтобы ничтожества вроде бродяги знали свое место и не высывали носа из грязи.

В общем, он вел тихую спокойную жизнь, пока его покой не нарушили люди на внедорожниках и вертолетах – и то был всего лишь передовой отряд грядущего безумия. Вертушки пару дней кружили над городом, словно выискивая что-то, а потом высадился десант. Печально, конечно, но бродяга не роптал. Неужели он думал, что Бог позволит ему обрасти жирком самодовольства и не пошлет во спасение новую напасть?

Выбора у него не было: он должен защищать Малышку, которая сейчас мирно спала в своей кровати под полупрозрачным пологом. Такая уязвимая, такая нежная, погруженная в таинственные притихшие сны, словно в темную воду, оставленную отхлынувшим грозным морем. Но кто знает, что выбросит на берег следующий прилив.

Бродяга был готов к худшему.

11. Барский собирается удивить

Когда друзья спрашивали у Барского, зачем ему это нужно, обычно он отвечал, что, дескать, время от времени публику нужно удивлять. И на этот раз он собирался удивить ее по полной. А заодно и своих заклятых друзей.

Было, правда, еще кое-что, о чем он умалчивал. Барскому недавно исполнилось шестьдесят, и он пребывал в опасном состоянии, которое означало, что все открытые для него пути ведут вниз... если только он не удивит самого себя. Он мог бы еще с десятков лет ничего не делать, пожинать плоды нынешней, идущей на спад, популярности, довольствоваться переизданиями и торговать своим породистым лицом, пока оно не износится окончательно. В общем, совершать плавный парящий спуск с заглушим мотором. Вполне нормальная перспектива, если учесть его возраст, естественную усталость и разочарование во всей этой игре в бисер, которая ведется праведниками от литературы не для свиней и без учета их мнения, но по факту ими оплачивается.

И если устроиться в нужном месте цепи изысканного потребления, можно очень даже неплохо существовать, хотя рано или поздно в полный рост встает вопрос: а что же дальше? Пустота – коварная штука. Ее легко повсюду таскать с собой – она ничего не весит, – однако ею невозможно дышать.

Его давно не удовлетворяло то, что он делал, но Барский это умело скрывал. В конце концов он был профессионалом и владел высшим пилотажем. Он даже умудрялся вселять оптимизм в своих героев, прошедших все круги ада (и заметьте, никто не сказал, мол, шито белыми нитками – уж больно хорошо сидел костюмчик), но ему так и не удалось вселить оптимизм в близких людей – жену и дочь. Жена любила его слишком сильно, чтобы любовь не причиняла ей боли, а дочь... Насчет дочери он вообще не был ни в чем уверен. Она выскользнула из этой жизни через черный ход, ненароком прихватив с собой все еще не написанные папочкой книги.

Барский перенес удар с наружным достоинством, однако стало почти невозможно и дальше двигать фигуры, продолжая партию трехмерных шахмат с самим собой, – дело шло к патовой ситуации и впустую потраченным десятилетиям.

Он исчерпал все утешения творческой личности. То, что с определенного момента персонажи начинают жить собственной жизнью, никогда не обманывало его. Тут и не пахло игрой в бога, скорее уж мелкими бесами фрейдистского личного ада, которых попросту некуда изгонять – отвергнутые, они снова и снова возвращались к нему неисчислимым множеством его же искаженных отражений.

Но сейчас судьба подбросила ему нечто иное – игру гораздо более изощренную, с расплывчатыми правилами. Он был доволен тем, как выпал жребий. Несмотря на уверения организаторов, Барский не ждал от своей «креатуры» слепого повиновения, да это и невозможно. Он также не обладал привычной властью над другими «персонажами». Значит, кому-то (в идеале – всем) придется столкнуться с совершенно непредсказуемыми последствиями.

Будет ли это похоже на фильм, у которого много постановщиков, не подозревающих о замыслах друг друга? По мнению Барского, пока это больше смахивало на сумеречный промежуток, в котором неприкаянные души вселяются в новые тела, и еще никто из них не представляет толком, с чем придется иметь дело.

12. Розовский и Барский пьют коньяк

За стеклами автобуса нескончаемой и однообразной зеленой полосой тянулся лесной массив.

– А вам-то зачем это надо?

После получасовой вялой болтовни о футболе и склоках в недрах Союза Писателей Розовский все-таки не удержался от провокационного вопроса.

Мэтр взглянул на него, прищулив один глаз. Похоже, он просек эту игру. И, кроме того, он давно знал Розовского.

– Мне скучно, бес.

– Да ладно, – позволил себе усомниться Розовский. – Мне-то могли бы сказать. По секрету.

– Теперь я у тебя спрошу: а зачем мне это?

– В смысле?

– В смысле, зачем мне перед тобой наизнанку выворачиваться? Чтобы потом прочитав о себе кое-что новенькое?

«А как ты догадался?» – чуть было не ляпнул разморенный Розовский. Как жаль, что рядом сейчас нет Машки. Просто так, для моральной поддержки. По ее телу (и по ее хлысту) он еще не успел соскучиться.

Он решил свернуть на другую тему. Портить в самом начале *приключения* отношения с Барским он не хотел. А потом... Потом посмотрим, старичок. Может, ты еще попросишь вывернуть тебя наизнанку и дерьмецо размазать, да только никто не захочет пачкаться...

– Ладненько, выпить хотите?

– Выпить хочу.

Розовский подозвал стюардессу, и та принесла коньячку.

– За благополучный исход, – провозгласил Розовский не без задней мысли, но Барский и на это не повелся. На свой счет Розовский был почти спокоен: он полагал, что даже в случае неблагоприятного исхода уж ему-то запасной выход обеспечен. Зря он, что ли, драл задницу, пытаясь устроить всё так, чтобы телевизионщики не разгадали его истинных намерений. Теперь, когда дело на мази, можно и поиграть в простачка. Тем более что тертая скотина Барский так и не сказал ни слова по поводу своей «креатуры».

Розовский, впрочем, тоже.

13. У Сони чешутся руки

Кое-что оказалось даже лучше, чем она ожидала, особенно после первого знакомства с «местом действия». Например, ей предоставили полную свободу в выборе временного жилища. Когда она поинтересовалась насчет других участников, ее успокоили: не волнуйтесь, вариантов выше крыши, все останутся довольны, – но при этом просили соблюдать правила.

В результате неторопливой сорокаминутной прогулки по северо-восточной части города, расположенной на живописных (так ей хотелось думать) холмах, Соня присмотрела себе славный особнячок, окруженный фруктовым садом, заброшенным, но всё еще плодоносящим. Дом понравился ей снаружи, а когда она зашла внутрь и обнаружила, что до нее тут жил художник, то пришла в тихий восторг. Полному счастью мешало только сознание того, что все это ненадолго и в случае неудачи ее ожидает куда более скромное пристанище, а то и вовсе могила.

М-да. Между тем дом подозрительно смахивал на сбывшуюся мечту идиотки. Именно таким она и представляла себе место, где ей хотелось бы жить сейчас и, если повезет, встретить старость. В меру уединенно, и в то же время – вот он, город, раскинулся внизу, молчит, ждет... Тут она напонила себе, что город мертв, и, значит, по ночам она не увидит внизу сияния огней. Скорее, придется привыкать к полной темноте, а темноту Соня не любила. Не то чтобы боялась, просто предпочитала быть там, где достаточно света.

Но солнце пока стояло высоко, прекрасный летний день длился и длился, и света было более чем достаточно. Бросив в доме сумку с вещами, она вышла к дороге посмотреть, не окажется ли кто-нибудь поблизости – чей-нибудь «хозяин» или чья-нибудь «креатура», еще неизвестно что лучше. Ее «креатура», мужлан со сломанным носом, уж точно не был любителем буколических пейзажей и вряд ли присмотрел себе норку по соседству, не говоря уже о том, что о соблюдении правил позаботятся эти, из «команды», как они называют себя сами. Про себя же Соня, едва завидев колючую проволоку на городской черте, успела окрестить их «надзирателями».

Она долго стояла, опершись на хорошо сохранившуюся кованую ограду, явно сделанную на заказ. В симметричный рисунок каждой секции был вплетен какой-то вензель, который не поддавался определению, и это почему-то причиняло ей неудобство. Как будто дом таил в себе некую загадку, а загадок Соня не любила однозначно. Загадки хороши для книг, которые она любила читать или которые писала сама, для фильмов и для общения с детьми определенного возраста, но не для ее жизни. Она предпочитала ясность во всем, и как раз этого ей часто не хватало.

Стараясь прогнать мысли о плохом, она созерцала окрестности. Ни души вокруг. Небо было пронзительно голубым, солнце посылало вниз свои лучи, словно пыталось хоть немного разогнать тьму человеческого существования, гнездившуюся внутри каждого даже в самый ясный день. Тьма не покидала и Соню, несмотря на прозрачную зелень вокруг, сочные плоды на ветках яблонь, уютный дом, дышащий покоем, и сделанный перед отъездом расклад карт Таро, предвещавший ей удачу.

И поневоле возникал вопрос: что могло заставить бывшего хозяина (человека с тонким вкусом) бросить всю эту красоту, в которую были вложены не только приличные деньги, но и явно что-то большее, какая-то (возможно, лучшая) часть души? Соня задала себе этот вопрос, и ей снова стало не по себе. Что толку искать ответы, ведь и самые очевидные из них ничего не изменят. Когда город вымирает, вряд ли захочешь оставаться в одиночестве даже во дворце. Любая роскошь ничего не стоит, если никто не в курсе твоего владения... Соня осознала, что не удивится, если спустя две-три недели ей захочется поскорее убраться отсюда. Тем более что ей *уже* хотелось этого – совсем недавно, всего около часа назад.

* * *

Вежливый «надзиратель» помог ей одолеть эту хрень, которую люди из «команды» называли Периметром. Зачем еще нужны эвфемизмы, если не для самообмана? Соня сдала на хранение свой мобильный телефон – таковы были заранее оглашенные правила, и к этому она была готова. Ее багаж тщательно «досмотрели», чтобы убедиться в отсутствии недозволенных предметов. Мр4-плеер и флэш-накопитель оказались в числе дозволенных. Через несколько детекторов даже пришлось пройти повторно, и всё это сильно смахивало на пересечение израильской границы в разгар интифады, только выглядело намного абсурднее, если учесть, кем она была и где находилась.

Впрочем, мордовороты из «команды», кажется, придерживались другого мнения. Она прочла это в улыбке «надзирателя», приставленного к ней и ненавязчиво вызвавшегося проводить ее в город. Она ненавидела такие ухмылки – в них под дежурной вежливостью прислуги таилось презрение или по крайней мере сознание своего превосходства. Человечек словно намекал ей: «Я знаю что-то такое, чего ты, лошица, не знаешь. И поэтому мне хорошо».

Она постаралась улыбаться так же и прислушалась к тому, что втолковывал ей хлыщ, который, казалось, не потел, хотя был одет в слишком плотный, не по погоде, костюм.

– ...Ни в коем случае не снимайте браслет. – (Браслет ей надели на левое запястье сразу после прохождения досмотра.) – Он должен постоянно находиться на вашей руке, обязательно в контакте с кожей. Его отсутствие автоматически означает выбывание. Попытка пересечь Периметр – хоть с браслетом, хоть без – также означает выбывание...

– А вот это для чего? – Она потрогала пальцем слегка утопленный в поверхность браслета прямоугольник, который напоминал темный дисплей.

«Надзиратель» снова ухмыльнулся, словно говоря: «Не торопись, дорогуша. Всему свое время. Я заготовил лекцию, и тебе придется выслушать ее полностью. Или ты, может быть, хочешь послать меня и вернуться?» И, куда деваться, она слушала.

– Браслет хорошо защищен. Ему не страшны вода, пыль, перепады температуры, удары, вибрации. Можете спокойно загорать, принимать душ и ванну, играть в теннис... или во что там придется, – хлыщ подмигнул, ей не почудилось. – В крайнем случае, при явном повреждении браслета, вы должны как можно скорее сообщить об этом установленным способом. Пытаться разобрать не советую. С его помощью также контролируются некоторые жизненные функции вашего организма.

Тут Соня приостановилась и не сдержалась:

– То есть вы хотите сказать, что, если я сдохну, вы об этом сразу узнаете?

– Именно так. И даже если вы серьезно заболеете, потеряете сознание с нарушением сердцебиения и дыхания, подвергнетесь... м-м-м... неприемлемому воздействию, – мы также об этом узнаем и немедленно придем вам на помощь. Как видите, всё делается ради вашей же безопасности и в ваших интересах.

«А вот тут ты брешь, сучонок», – подумала Соня, но вслух сказала другое:

– Так что там насчет «неприемлемых воздействий»?

– Это я так, к слову. Искренне надеюсь, что ничего подобного не произойдет, но страховка не помешает. Мы же с вами взрослые люди, и понимаем, чем рискуем.

«Ты-то, может, и понимаешь, а вот я – нет. Улавливаешь разницу?»

– А сама я могу... позвать на помощь?

– Конечно, можете. Прикладываете большой палец правой руки вот к этому самому месту, – он ткнул в черный прямоугольник на браслете, – и автоматически осуществляется вызов «команды». Правда, должен предупредить, это также означает отказ от дальнейшего участия, то есть выбывание.

– Да ну? Даже если моей жизни будет угрожать опасность?

Хлыщ едва заметно пожал плечами:

– Вы знали, на что шли. Таковы правила.

По его улыбке читалось: «А ты что, шлюха, хотела поднять “лимон”, не рискуя своей задницей?»

Соня сделала вид, что не услышала ничего нового, хотя внутри у нее всё дрожало от гнева. «Ну, падлы, – пообещала она мысленно, – если я выберусь отсюда живой, на следующий же день солью всё дерьмо в Интернет. Вовек не отмоешься...»

Кстати, об Интернете. Понятное дело, все связи с внешним миром для участников исключались. Внутренняя связь – через компьютеры, объединенные в локальную сеть и предоставляемые «командой». У Сони уже руки чесались: поскорее бы добраться до клавиатуры – и отнюдь не для того, чтобы заняться своей «креатурой». Впрочем, надежнее, конечно, по старинке – блокнот и карандаш. Хотя какая тут, к чертям, надежность! Благодаря браслету Соня почувствовала себя лабораторной мышью, вертящей колесико под всевидящим оком Большого Брата...

Да, к концу этого малоприятного разговора у нее почти не осталось сомнений в том, что она снова вляпалась в дерьмо. А с другой стороны, она что – действительно хотела поднять «лимон», не рискуя своей задницей?

14. Параход и кот слушают Питера Тоша

– А кого здесь недавно убили? – спросил Параход как бы между прочим, постаравшись сделать лицо попроще.

Обычно ему без особого труда удавалось прикинуться наивнячком. И кое-кто в нем сильно ошибался. Вот и сейчас последовала пауза, которая длилась на секунду дольше, чем в том случае, если бы он ляпнул что-нибудь невпопад.

– С чего вы взяли, что здесь кого-то убили? – спросил персональный «пастух», который сопровождал его с момента пересечения Периметра. Сейчас они двигались прогулочным шагом по улице Борьбы – один черт знает, кого с кем.

Парень ошутимо напрягся, даже голос изменился. До этого он объяснял Параходу всю эту лабуду насчет браслета. Параход слушал вполуха. Он знал, что браслет ему не пригодится. А еще он знал, что парню осталось жить от силы двое суток. Насчет самого себя Параход не имел столь исчерпывающих сведений. У него тоже была своя «мертвая зона» – совсем как в старой книжке Стивена Кинга (видать, писатель с кем-то консультировался). И, честно говоря, Параход был искренне рад этому. Есть вещи, которых лучше не знать. Те, кто утверждает «предупрежден – значит вооружен», просто не понимают, с чем порой приходится иметь дело.

Он пожал плечами:

– Да так, слышал кое-что.

– От кого слышали? – Парень явно испытывал желание немедленно связаться со своим начальством, и от этого его удерживало только присутствие Парахода и необходимость скрывать правду о случившемся.

Собственно, Параход задал вопрос не потому, что его интересовала личность убитого – ему и так было ясно, что покойник был не последним человеком среди «пастухов», – а чтобы слегка раскачать лодку и посмотреть, что будет.

– Не помню. – Хлопая ресницами, он без труда выдержал тяжелый взгляд «пастуха». Играть в гляделки он мог с кем угодно и в любое время. Наверное, мог бы сыграть и во что-нибудь посерьезнее, например, с детектором лжи. Поставить ширму, которая полностью отгораживала нужную часть сознания, было плевым делом.

– Возможен вброс любой информации, в том числе провокационной, – нашелся «пастух». – Вам решать, что с этим делать.

«Неплохо, – одобрил про себя Параход. – Только поздновато. А со мной такой номер и вовсе не пройдет». Несколько секунд он раздумывал, не предупредить ли беднягу о том, что его ожидает. Искушение было велико. По поводу собственных мотивов Параход не обольщался – среди них вряд ли нашлось бы место состраданию. В данном случае парень уцелел бы, если бы вовремя убрался из города, но *заставить* его сделать это Параходу было не под силу. Он трезво оценивал свои физические и психические возможности, а еще трезвее – «пастуха», то есть девяносто килограммов тренированной массы с пушкой в хорошо пригнанной кобуре под пиджаком...

Такое с ним уже случалось неоднократно, и выбор никогда не был легким. Он предвидел беду, но его не принимали всерьез. Дважды, после того как беда все-таки случалась, он оказывался в очень неприятных ситуациях. А бывало, он чувствовал себя еще хуже, когда держал язык за зубами. В таких случаях помогала расслабиться только «травка». На этот раз «травки» у него не было (он страдал забывчивостью, но не кретинизмом), и поэтому Параход сказал, понизив голос почти до шепота:

– Уезжал бы ты отсюда. Увольняйся, бросай всё, пока не поздно. Жизнь дороже.

Как и ожидалось, «пастух» выслушал его со снисходительной ухмылкой.

– Ладно-ладно, давайте не выходить за рамки, – парень остановился. – Дальше пойдете сами. Можете выбрать любую исходную позицию. Перед вселением убедитесь в наличии электроснабжения. Генераторы не будут работать с полуночи до шести утра – это мертвый час. Вечером подвезут компьютер. Подключайтесь и ждите дальнейших указаний. Если не выйдете на связь до полуночи, вас заменят. Надеюсь, с информацией о штрафных санкциях за уклонение ознакомлены?

Параход кивнул. Он знал о таких «санкциях», по сравнению с которыми проблемы заменной «креатуры» показались бы девочкиной озабоченностью по поводу отсутствия пениса. Но говорить об этом с «пастухом» было абсолютно излишне. И абсолютно бесполезно.

Он постоял на перекрестке, глядя по сторонам и прислушиваясь к шагам удаляющегося без-двух-суток-мертвеца. Хороший день, мать его! Сейчас Параход с удовольствием устроился бы на чьей-нибудь веранде и выкурил косяк под Питера Тоша. А, собственно, что ему мешает? Отсутствие косяка? Или отсутствие Питера Тоша, мир его праху? Чего бы стоила вся много-летняя работа Парахода над своим сознанием, если бы он не научился извлекать косяки из астральной пустоты, а музыку – из проигрывателя в левой лобной доле. Так что дело было за малым – верандой и креслом-качалкой.

Через пятнадцать минут он надыбал и то, и другое. Название улицы – Энтузиастов – показалось ему вполне подходящим. Даже не заглянув в дом, Параход расположился под сенью прохудившегося навеса, что пропускал тонкие лучики солнца, в которых лениво кружилась искрящаяся пыль. Тихо поскрипывали доски настила, да и старое кресло тоже...

Вскоре откуда ни возьмись появился ободранный рыжий кот, долго и пристально изучал качающегося Парахода с безопасного расстояния, затем развалился на перилах веранды и, жмурясь, предался кайфу. Кончик его хвоста подрагивал в такт ритму рэггей, слышного только ему и никчемному двуногому существу, которое нагло вторглось на чужую территорию и даже не подумало о том, чтобы чем-нибудь угостить аборигена. Коту было невдомек, что имел в виду другой двуногий, звучавший *из головы* первого, когда пел: «Legalize It», – но котяра чувствовал себя неплохо без всякой легализации; он находился в зоне хороших вибраций.

15. Лада и Елизавета пьют чай

– Пей, – она пододвинула чашку с только что заваренным черным чаем к женщине, сидевшей напротив. Та реагировала замедленно и не сразу расцепила побелевшие пальцы. До чего же подавленное существо... чтобы не сказать *раздавленное*. Даже удивительно, что такая прошла отбор и была допущена к жеребьевке. Но что Лада знала о критериях отбора? Ровным счетом ничего. Зачем далеко ходить – ее тоже допустили. А ведь медицинская комиссия состояла не из клинических идиотов...

Женщина привязалась к ней еще в автобусе. И как-то само собой получилось, что последние несколько часов они почти не расставались, хотя, видит бог, еще недавно Лада испытывала желание оказаться подальше от опостылевших лиц и стен – и чтобы ни единой души рядом. Возможно, ей и сейчас этого хотелось... но куда денешься от этого взгляда больной побитой собаки?

«Интересно, а какой взгляд у тебя? Ты давно смотрела на себя в зеркало? То-то же...»

– Ну, Елизавета, так как ты здесь очутилась? – спросила Лада две минуты и три обжигающих глотка спустя.

Та помолчала, уставившись на свои бледные руки. Потом подняла глаза:

– Я ушла от мужа.

– Значит, сбежала. А что такое? Он забыл о годовщине вашей свадьбы? Или не одобрил твой новый лифчик?

«Что ты несешь? Теряешь время, дура, совсем мало осталось...»

– Тебя никогда не насиловали в задницу?

В устах Елизаветы это прозвучало отвлеченно. Как, например, вопрос: «Тебя никогда не закапывали живьем?»

Та-ак. Это уже кое-что.

– Я сама кого хочешь трахну в задницу, – сказала Лада. – Вот этой штукой.

Она протянула руку и достала из сумочки фаллоимитатор более чем приличного размера. Во взгляде и во всем облике этой худой, стройной, коротко стриженной женщины было что-то такое, от чего даже долбоносики из «персонала» не позволяли себе исподтишка ухмыляться, когда рылись в ее личных вещах. А там было много необычного.

Лиза тоже не ухмылялась. Казалось, она вообще забыла, как это делается. Но в ее глазах Лада прочла нечто похожее на восхищение.

«Только этого тебе не хватало. Ответишь за тех, кого приручила?»

– Ладно. Не буду спрашивать, бил ли он тебя...

– Не надо.

– Дети есть?

Лиза помотала головой и заметно сжалась. Похоже, эта родит не скоро. Если вообще родит.

– Ну что ж, правильно сделала.

Лада смотрела вдаль. С церковного балкона, где они находились, была видна небольшая площадь, в которую вливались три улицы. По одной из них они пришли сюда, потому что идея насчет церкви взбрела Ладе в голову, едва она увидела отливающие золотом купола и покосившиеся кресты. Ей показалось, что это будет смешно. Немного ближе к Царствию Небесному... Но до полуночи и даже раньше все-таки надо разбежаться. Таковы правила.

Лада спросила себя, надолго ли ее хватит – в смысле, долго ли она будет терпеть их долбанные правила. Чем-чем, а штрафными санкциями ее не испугаешь. И, честно говоря, у нее был свой миллион евро, даже немного больше – на пару миллионов.

А еще у нее был рак.

Неоперабельный.

И вот она, молодая, красивая (когда-то), богатая женщина, смотрела вдаль, пытаясь забыть о тикающем в мозгу секундомере и разгадать тайну своего никчемного существования, в котором было всё и вдруг не осталось ничего. Так, может, ничего и не было? Как не было ничего стоящего в этом небе цвета линялых джинсов и в этих пустых, медленно разрушающихся домах. Как не было веры в этих намоленных стенах. Ни веры, ни утешения, ни надежды...

«Что ты делаешь, мать твою?! Тебе еще тащить на себе эту мокрую курицу!»

Плохой признак. Ядовитый голос внутри звучал гораздо громче, чем шепот, донесшийся снаружи.

– ...Что ты спросила?

– Ты...

– Что – я?

– А ты почему здесь?

Лада достала сигарету и закурила. Глубоко затянулась, выдохнула длинную струю дыма.

– Со мной всё проще. Мне осталось три месяца, от силы полгода. Хочу повеселиться напоследок.

– Здесь невесело...

– Там, где весело, я уже была. И потом, откуда ты знаешь, каково здесь? Во всяком случае, скучно не будет, я тебе обещаю.

– Мне с тобой хорошо. Спокойно. Я бы хотела... остаться тут подольше.

– Лучше бы ты хотела вернуться и отрезать ему яйца.

– Кто знает? – Взгляд Елизаветы засох, направленный в одну точку. – Может, и до этого дойдет.

– Не дойдет. Не бери на себя лишнего. Твое дело выжить... после того, как всё закончится. А не то еще соскучишься, поползешь к нему обратно. Видела я и такое...

Лизу не задело презрение, прозвучавшее в последних словах. Она привыкла к кое-чему похуже слов. Ей действительно хотелось подольше оставаться рядом с этой женщиной. Поблизости от нее она чувствовала себя защищенной, как никогда прежде. Сила, исходившая от Лады, была почти материальной – плотная стена отчаяния, которую с другой, невидимой глазу стороны, подпирала смерть.

На самом деле Лада устала. Даже сигарета казалась неподъемной, и рука начала дрожать. Браслет, соскользнувший почти до локтя, отливал темным блеском. Кое-чего эти придурки из «персонала» не учли или просто не заметили: она могла без особых усилий снять побрякушку – ее кисть уже слегка напоминала куриную лапку. И с каждым днем будет напоминать всё больше. Через пару недель ей, пожалуй, придется придерживать этот электронный бубенчик... если к тому времени она захочет оставаться в игре. Ведь веселиться она точно не собиралась.

– Ну ладно, тебе пора.

– Уже?

– Мне надо отдохнуть. Завтра встретимся, если доживем... Шучу. Куда мы денемся.

– Я найду себе что-нибудь поблизости.

Лада была вынуждена произнести ненавистную ей фразу:

– Ты знаешь правила.

Затем процитировала:

– «...На расстоянии, исключая обмен сведениями любым способом в период Мертвого часа»... Иди, уже начинает темнеть. Компьютером пользоваться умеешь?

«Глупый вопрос. Не позорься, ты же прошла тестирование. И она наверняка тоже».

Елизавета покорно встала и медленно спустилась с балкона.

«Неисправима, – думала Лада, глядя ей вслед. – Даже не спросила, какого хера я при-
своила себе эту развалину».

– Эй! – окликнула она свою новую непрошеную подругу и показала ей фаллоимитатор. –
Может, захватишь?

Лиза слабо улыбнулась («Значит, не всё потеряно»):

– Не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

16. Розовский: закат Европы

Он не был бы самим собой, если бы заранее, образно выражаясь, не рассовал тузов по рукавам. Это давало ему приятное ощущение власти над ситуацией, тем более когда столь многое поставлено на кон. Особенно приятно было осознавать, что ему удалось навязать другим игру, которую они полагали своей.

Розовский действовал сразу по нескольким направлениям. В частности, еще до запуска проекта он раздобыл и хорошенько изучил старую карту города, сделанную при помощи аэрофотосъемки. Гриф «секретно» уже давно не был помехой для любознательных; секреты продавались направо и налево, вопрос был лишь в сходной цене и в том, чтобы выйти на нужного человека. Розовский не скупился, когда речь шла о качестве, и в этом смысле добытая карта вполне отвечала его придирчивым требованиям. Крупномасштабная, достаточно подробная, с обозначением всех более или менее заметных объектов, она давала хорошее представление о месте будущих событий, которые могли сыграть в судьбе Розовского решающую роль. Не остров сокровищ, но кто знает. А он уж постарается, чтобы пиастры не уплыли в чужие руки.

Тащить карту с собой «в приключение» он, разумеется, не собирался – это выглядело бы подозрительно. Пришлось запоминать, благо зрительная память у него была отличная. Теперь, бодро шагая по городу навстречу светлому будущему, Розовский сверял запечатленную в мозгу картинку с действительностью и с удовлетворением отмечал: оказывается, мало что изменилось с тех пор, как над городом пролетел неприметный самолет военно-воздушных сил с камерами на борту. Во всяком случае, новых, не имевшихся на карте зданий ему пока не попадалось, но его и не волновали новостройки.

Для начала его интересовала возведенная в глубоко тоталитарные времена гостиница «Старт» (если верить устаревшим источникам – лучшая в городе). На рубеже веков, перед самым *исходом*, она перестраивалась, после чего сменила масть и стала называться «отель “Европейский”» (четыре этажа, восемьдесят номеров, четыре «люкса», ресторан, бар, бильярдная, сауна, стоянка на полсотни авто). Кто-то потерял на этом кучу бабла. А кто-то, наоборот, заработал. Переродившийся отель даже обзавелся двумя парами звезд.

На взгляд Розовского, это были те же яйца, только в профиль. В принципе, он ценил удобства, никогда не пренебрегал ими и не собирался селиться в какой-нибудь халупе. Он полагал себя единственным из участников, кто заблаговременно озаботился изучением сцены действия, и поэтому думал, что имеет порядочную фору. И, в отличие от остальных, он двигался целенаправленно с той самой минуты, как отвязался от своего опекуна на перекрестке проспекта Мира и улицы Багратиона.

Уже через двадцать пять минут он оказался перед фасадом «Европейского», который произвел на него такое же впечатление, как и пару дней назад, во время *предварительного посещения*: ни дать ни взять декорация к «Закату Европы». Стены местами начали осыпаться, по балконам карабкался дикий виноград, в мутных стеклах многократно отражалось солнце.

Розовский огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души. Он поздравил себя с успешным завершением начальной фазы операции – выдвижением на исходный рубеж. Удобная и *подготовленная* позиция означала половину успеха, причем не обязательно на войне. Даже в любви это правило срабатывало безотказно, он проверил.

Розовский уже предвкушал, как отпразднует новоселье. Вид из выбранного им «люкса» был, в общем-то, неплох, а после двух-трех бокалов хорошего грузинского вина наверняка покажется еще лучше. Он распахнул тяжелые стеклянные двери отеля, которые можно было прошибить разве что очередью из крупнокалиберного пулемета, и внутри у него всё сжалось.

Холл, покрытый толстым слоем пыли, служил отличной контрольно-следовой полосой. Куда лучшей, чем распаханная земля в каком-нибудь дебильном фильме о пограничниках.

Следы мгновенно бросались в глаза. И кроме отпечатков своих мокасин, оставленных прежде и ведущих в обоих направлениях, он увидел еще две цепочки следов, принадлежавших разным людям. Они терялись из виду на главной лестнице. Лифты, понятное дело, не работали.

Самое главное, чужих следов, ведущих обратно, в холле не было, что означало одно из двух: либо непрошенные гости воспользовались другим выходом, либо всё еще находятся здесь. Первый вариант Розовскому просто не нравился (он усматривал в нем что-то вроде покушения на свою почти собственность), второй не устраивал категорически.

Он проклял себя за самонадеянность и за то, что не потрудился устроить запасной тайник. Впрочем, какого хрена? Может, всё гораздо проще? Почему бы здесь не появиться, например, парням пропавшего без вести Бульдога? Ведь, насколько было известно Розовскому, «подготовка территории» велась тщательно, особенно *после* исчезновения, факт которого пока удавалось замалчивать – и он догадывался, какой ценой.

Однако и это плохо – сам-то он наследил изрядно, а теперь может засветиться при попытке взять вещи из тайника. Тут уже не включишь дурака, не поможет. И тогда – прощай репутация. Прощай успех. Прощай Машка в черной коже. Придется искать место редактора в провинциальной газетенке. Хорошо, если возьмут...

Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, Розовский неслышно поднимался по лестнице. Ох, как не хватает Марии! Когда она находилась рядом с ним, всё казалось легче – даже то, что не было легким по определению. Сейчас она посмотрела бы на него взглядом типа «Розовский, ты мой герой!», и он впрямь почувствовал бы себя если не героем, то парнем с металлическими шариками вместо яиц, которому какие-то там следы в пыли и двое жлобов в *его* отеле – это тьфу, плюнуть и растереть.

На площадке второго этажа он бросил взгляд на пересохший аквариум со скелетиками рыбок (точно «Закат Европы», мать его!) и двинулся к своему «люксу». Следы на ковровом покрытии были менее четкими, зато оно заглушало звуки шагов. Розовский неслышно крался коридором, прикидывая, как вести себя в случае нежелательной встречи. Всё зависело от того, с кем и с чем придется столкнуться. Он решил положиться на свой импровизационный талант, тем более что, как он не раз убеждался, к чему ни готовься, жизнь всё равно тебя удивит.

Поэтому он постарался не удивиться, когда услышал музыку, доносившуюся из-за двери номера (*его* номера!), которую оккупанты даже не потрудились плотно закрыть. Впрочем, тут он их понимал – от кого закрываться в *пустом* городе? Розовский заглянул в щель. Увидев, что в ближней комнате никого нет, осмелел и вошел.

Здесь тоже ничего не изменилось, но появились три новых предмета: дорожная сумка, рюкзак и мини-система, которая легко могла поместиться хоть в сумке, хоть в рюкзаке. Система была включена, и какой-то страстотерпец выдувал из своего саксофона любовные трели. Розовский посмотрел в направлении спальни (дверь которой, само собой, была открыта) и понял, что старания дудочника не пропадают впустую.

Судя по всему, Розовский подгадал к самому началу первого акта и при желании мог бы, наверное, вести себя тихо и досмотреть спектакль до конца, а потом неслышно удалиться. Но его уже подташнивало от волнения и тревоги за сохранность тайника. Кроме того, он разглядел, с кем имеет дело.

Молодцы, детки, быстро снюхались. Такая нынче молодежь. А себе он сделал замечание: теряешь нюх, скотина, как же это ты ничего не заметил своим наметанным глазом... Значит, Каплин и Оксана Не-помню-дальше... Его книги он знал неплохо (кое-что ему даже нравилось), а вот с девочкой был знаком похуже, хотя, конечно, имел понятие о ее творениях. Как же, как же – «Девственница», наделавшая столько шума. Насколько он успел заметить, здесь юное дарование вело себя вполне раскованно; об этом Розовский мог судить компетентно. Ну Каплин и везунчик, мать его! Смотри какой лакомый кусок отхватил...

Он колебался ровно минуту – обладание любой информацией могло иметь значение и сыграть свою роль в дальнейшем, – но беспокойство все-таки пересилило. Розовский отступил на пару шагов, постучал в дверь с внутренней стороны и громко спросил:

– Эй, кто здесь?

Судорожная возня и шепот были ему наградой. Кому понравится, когда тебя застают с голой задницей в таком месте, где голые задницы не предусмотрены правилами. Не то чтобы напрямую запрещены, но не приветствуются. Как сказал Генеральный, «мы платим не за то, чтобы они там на халяву отдохнули и перетрахались». Абсолютно справедливо. Розовский считал, что за всякое удовольствие надо платить. Мальчик и девочка тоже заплатят – в свое время. А сейчас он хотел только поскорее от них избавиться и добраться, наконец, до сейфа, который подмигивал ему со стены «люкса» лимбом из нержавеющей стали.

Но детки вели себя совсем не так, как ему хотелось бы. Особенно этот золотой мальчик от литературы. Да и, как оказалось, не сильно Розовский его смутил. Помешал, конечно, снял с девушки, однако всё это не смертельно. Каплин был из тех, кто своего не упустит – ни сейчас, ни потом.

Он вышел из спальни в одних джинсах, и Розовский мог вдоволь любоваться его загорелым мускулистым торсом и благородным отливом платиновой, эдак примерно двадцатиграммовой, побрякушки, напоминавшей перевернутую букву «Т». Если Розовскому не изменяли его несистематические, но всесторонние познания, это был так называемый Молот Тора – амулет, отвечавший за противодействие врагам, завистникам и насылателям бед, а заодно и за мужскую силу.

– Прошу прощения, – сказал Розовский. – Мне чертовски неудобно. Похоже, все дороги ведут в *Европу*, а?

Каплин только пожал плечами, глядя на него с доброжелательной улыбкой. Выжидал, сука. Оксана осталась в спальне, и теперь Розовский ее не видел. Его бросило в жар, когда он с опозданием заметил возле кровати откупоренную бутылку вина и бокал, которые заготовил для себя. Итак, кое-что они уже нашли. Хорошо, что самое важное лежало в сейфе и, похоже, кодовый замок пока цел.

«Неужели кто-то навел?! – Мысли Розовского метались по углам. – Не дури, успокойся. Черт бы побрал обоих гаденышей... Нет, но все-таки, как они оказались здесь раньше меня?!»

Ситуация была нелепейшей. Качать права – глупее не придумаешь. Рассказывать, что – какое совпадение! – в этом самом номере двадцать лет назад умерла его бабушка и с тех пор он ежегодно приезжает сюда поплакать, – вариант, конечно, но Каплин, наверное, сдохнет от смеха. И дальше делать вид, что попал сюда случайно, извиниться и уйти – невыносимо... однако придется.

Розовский с трудом выдавил на лицо улыбку, да и та, скорее всего, больше напоминала оскал.

– Это же надо! – сделал он еще одну попытку. – Про гостиницу-то я первым делом подумал, а внизу наткнулся на чьи-то следы. Показалось, старые, но всё равно интересно. Кого, думаю, сюда занесло...

– Бывает, – согласился Каплин с непрошибаемым равнодушием. Он явно никуда не спешил и знал, что является хозяином положения. Ему даже не требовалось принимать соответствующий вид – всё получалось естественно, само собой.

Розовский вдруг понял, почему ценку так *везет* в этой сраной жизни.

– Еще раз прошу извинить. Увидимся.

– Всего хорошего.

Безукоризненно вежливый тон. Даже при желании не обнаружишь и намека на иронию. Каплин по-прежнему улыбался, провожая гостя до двери, и Розовский, несмотря на свое чутье

опытного интригана, не мог понять, что скрывается за этой улыбкой. Хер догадаешься, что известно человеку, который так улыбается...

Выйдя из номера, он едва сдержался, чтобы не отхлестать себя по щекам. Его мутило от осознания того, как жалко он выглядел пару минут назад. Столь же сильные мучения он испытывал от того, что вынужден отложить на неопределенный срок то, что могло быть сделано уже сегодня.

Дошаркав до наружных дверей отеля, Розовский хоть и с трудом, но взял себя в руки. Разве он впервые в жизни оказался в глупом положении? От него не убудет. Это всего лишь эпизод, а значит, наименьшее из зол, потому что очень скоро расклад может радикально измениться. В чем-то теряешь, в чем-то приобретаешь; главное – выиграть партию.

План действий был ему ясен. Надо подождать и проследить. Эти двое до полуночи должны разбежаться. Кто бы из них ни остался в отеле, рано или поздно ему или ей всё равно придется выйти. Лучше рано – ибо Розовский не был уверен в том, что у него хватит терпения ждать долго.

Тут его осенило: вовсе не обязательно следить лично. И не нужно ничего выдумывать: у него появилось первое задание для «креатуры».

17. Оксана и Каплин пьют вино

После вторжения скандального журналюги у Оксаны начисто пропало настроение делать любовь. Когда Каплин вернулся в спальню, она уже оделась, налила себе еще вина и теперь цедила его микроскопическими глоточками. Он всё понял правильно, набросил рубашку, взял бутылку и, забравшись на кровать, отхлебнул прямо из горлышка. Заточенный в мини-системе Гроувер Вашингтон-младший выкладывал очередную дорожку поверх четкого пунктира ударных Льюиса Нэша.

– Как думаешь, это он оставил? – Она постучала ногтем по бокалу.

– Похоже, что да.

– Он следил за нами.

– Вряд ли. Всех запускали с разных концов и в разное время.

В самом деле, Оксана и Каплин встретились час назад только потому, что заранее договорились найти друг друга. Ей пришлось изрядно пошататься по незнакомому городу, ориентируясь при помощи солнца и здравого смысла, прежде чем она вышла к условленному месту. Каплину, как всегда, повезло: от КПП, через который его «запустили», к центру города вел прямой, как стрела, проспект Героев Чего-то-там.

– Тогда что ему здесь нужно?

– Возможно, присмотрел себе хату заранее, а мы его обломали.

– Вообще-то, это он нас обломал... А если присмотрел, то почему не признался?

– Вот это действительно интересно. Что бы ты сделала, если бы попала сюда до того, как выставили охрану на Периметре?

– Что бы сделала блондинка... Сейчас прикину. Припрятала бы в разных местах пару мобильных – на всякий случай. А еще взяла бы ящик вина, три альбома «Ночных снайперов», нет – четыре... Что у нас дальше... косметику, лекарства, прокладки, презервативы... – Она перечисляла, загибая пальцы.

– Ладно, я серьезно. Всё это, кроме мобильных, ты и сейчас могла захватить с собой. Без проблем.

– Кое-что захватила, хочешь посмотреть?... Короче, если серьезно, то оружие.

– У тебя было оружие? Я имею в виду – там?

– Да нет. Но здесь, может, и пригодилось бы.

– Но ты не думала об этом заранее, верно ведь?

– Потому что знала, что без вариантов.

– Видишь, а он подумал.

– Он мне с самого начала не понравился.

– Женская интуиция – великая вещь.

Она бросила на него подозрительный взгляд:

– Издеваешься?

– Ни в коем случае, правду говорю. Насчет меня ты не ошиблась.

– Это мы еще проверим.

– В любое время. Кстати, о времени. До темноты нам придется разбежаться. Если хочешь, оставайся здесь.

– Вот они, мужчины. Значит, бросаешь девушку?

– Ни в коем случае. Но мы же не собираемся нарушать правила, по крайней мере сразу?

– Ладно, шучу. Не нравится мне этот отель. Одной мне тут было бы не по себе, особенно ночью. Еще этот заявится...

– Да, этот может, хотя как раз ночью – вряд ли. Надо будет спуститься, выяснить, что с ключами...

- Ты все-таки решил остаться здесь?
 - Не вижу причин уступать «люкс» новому другу семьи.
- После паузы он спросил:
- А ты где думаешь остановиться?
 - По-моему, с этим проблем нет – выбирай любую хату. Ну почти любую...
 - Утром придешь?
 - Приглашаешь? – Она прищурилась и соблазнительно потянулась.
 - Конечно.
 - Тогда приду. Только рано не жди, хочу хорошо выспаться.
 - У меня это вряд ли получится на новом месте.
 - Есть швейцарское снотворное, могу поделиться.
 - Спасибо, пока не надо.

Они помолчали. Потом она спросила:

- Ты сейф видел?
- Конечно. Думаешь?..
- Заперт, я сразу проверила. Пустые не запирают.
- Разве что для порядка... А может, просто завалились бумаги, которые уже никому не нужны.

- Ага, например, деньги. Старые.
- Деньги?.. Хм. Кстати, ты не вспомнила о деньгах, когда перечисляла свой эм-дэ-эн.
- Что еще за «эм-дэ-эн»?
- Малый дамский набор. Прокладки, презервативы, «Ночные снайперы», что там еще?..
- А на фиг тут деньги?
- Ну, мало ли. Охрану подкупить.
- Чтобы выпустили на волю?
- Всякое может случиться.
- Не пугай слабую женщину... В общем, сейф самое подходящее место. Если этот, как

его...

- Розовский.
- ...туда что-то положил, он вернется, чтобы взять.
- Значит, тем более сто́ит за ним присмотреть. Я имею в виду, за сейфом.
- И как думаешь присматривать? Будешь сидеть тут безвылазно?
- Ближайшую ночь, по крайней мере. Кстати, неврдно было бы узнать, где этот Розовский теперь остановится...

Она покачала пустым бокалом, давая ему знак налить. Вино показалось ей слишком слабым.

- Еще и дня не прошло, а уже какая-то херня начинается.
- Иначе это было бы никому не интересно. И ничего бы не стоило.
- Эх, почему я не какая-нибудь Джоан Роулинг...

18. Нестор в «Эпицентре»

Он второй час, как замороженный, бродил по супермаркету, охреневая при виде открывающихся возможностей. Поначалу он даже не поверил своим глазам. Думал, тут какая-то подстава. Ну не могло такого быть – всего этого добра не оставишь на полках без присмотра, если отвечаешь за безопасность и при этом хоть что-нибудь смыслишь в химии. Потом он сказал себе: стоп, а с чего ты взял, что *их* интересует безопасность вообще и, в частности, безопасность каких-то там «креатур»? И всё сразу стало на свои места. Нестор осознал, где он находится. В некотором смысле это был Дикий Запад, место беззакония, в том числе Божьего. Мечта анархиста, сладкий сон бомбиста.

Было бы глупо и нерационально покидать... склад, назовем это так. Хотя название супермаркета – «Эпицентр» – тоже казалось ему вполне подходящим. Нестор осмотрел подсобные помещения – всё обстояло даже лучше, чем он ожидал. И все-таки стоило призадуматься, почему интересующий его товар лежал нетронутым. Правда, с точки зрения обывателя, тут осталось мало полезного и ничего ценного. Возможно, тот случай, когда транспортировка обошлась бы дороже самого барахла. Продуктов не было совсем, если не считать консервированного собачьего и кошачьего корма в соответствующем отделе. Ни мебели, ни компьютеров, ни кассовых аппаратов. В торговом зале не сохранилось даже лампочек, а в подсобках лишь кое-где включались тусклые зарешеченные светильники.

Случайному человеку всё это могло показаться картиной убожества и разрушения. По мнению Нестора, убожеством был весь мир и поэтому не следовало обращать внимания на несущественные мелочи. Все составные части сложного механизма износились до крайности, требовали срочной замены... или уничтожения, ибо свихнувшаяся машина, которая пошла вразнос, куда опаснее сломанной и мертвой.

Такова была теория, а к практике Нестор не переходил только потому, что он не был сумасшедшим. Он понимал, среди кого он живет: среди ослепленных, обманутых, перепрограммированных, инфицированных рабов тотально искаженной «реальности». А кроме того, он знал и помнил уроки истории: как и сотни лет назад, тех, кто слишком рьяно брался насаждать истину, ожидало заточение в тюрьме или в психушке или даже смерть. Государство со всей своей структурой подавления и было той свихнувшейся машиной, которая продолжала впустую лязгать, но при этом и тупо дробить в пыль всё живое, а особенно то, что угрожало в перспективе рождением прекрасного и свободного нового мира.

Однако Нестор отдавал себе отчет: никакая замкнутая система не может до такой степени изуродовать самое себя – и мало-помалу для него становилось очевидным наличие негативного внешнего фактора, поначалу совершенно загадочного. И хотя львиная доля причин покоилась под многослойными отложениями следствий, он не только интуитивно чувствовал *присутствие*, но и находил этому веские подтверждения.

Вскоре он проникся полнейшей уверенностью, что земные беды не случайны и кем-то инспирированы. Правда, в отличие от большинства озадаченных теми же проблемами, Нестор не искал виноватых среди, например, жидомасонов – подобные ссылки, апеллирующие к примитивным инстинктам, всегда вызывали у него тихий смех: всё равно как если бы крысы назначили виноватым в наводнении самого умного, хитрого и жирного собрата.

Ведь тысячелетиями ничего не менялось *по большому счету*, несмотря на колоссальный прогресс технологий. Империи создавались и гибли, города превращались в пепел, поколения проживали свой краткий век в корчах и муках, и не было видно конца истреблению себе подобных, ненависти, чудовищным пыткам и миллионам голодных смертей. Да, человечество определено было проклято, но уж точно не ветхозаветным старцем и не за то, что у некой особы в райском саду некстати проявился авитаминоз. Проклятие так многолико: им может

стать невидимый и неосязаемый «червь» в голове, паразит информационных полей, «черная дыра», перекачивающая мыслящую материю из этой вселенной на тот свет...

Однажды Нестору приснился глаз в небе. Нечеловеческое око взирало на Землю с бесконечным, неописуемым превосходством. Но по отношению к собственно Нестору это не было даже превосходством: глаз просто не давал себе труда заметить его смехотворное существование. Это был, если угодно, взгляд «третьего рода». Именно тогда, во сне, Нестор понял окончательно и бесповоротно, откуда взялись эти «золотые миллиарды», октябрьские перевороты, «естественные отборы», нацистские зверства, теория «вертикального прогресса»...

И оставалось только проснуться, чтобы сделать окончательный вывод, что называется, *наяву*. Нестор пробудился и сказал себе: тут не обошлось без вмешательства инопланетного разума.

19. Барский дышит свежим воздухом

Он не любил занимать чье-либо место – даже то, которое, согласно поговорке, пусто не бывает, но в результате исхода вдруг освободилось.

В кабинете директора Музея природы он оказался случайно, если считать случайными действия, совершаемые по наитию и лишь косвенно вызванные давлением обстоятельств. Поначалу он ничем себя не удивил – его выбор был до отвращения стандартным, как предписание командировочного: лучший в городе отель «Европейский». Однако Барский не стал вторгаться на территорию, уже помеченную следами в холле, и тем более не стал выяснять, кто его опередил, а отправился гулять по улицам, доверившись интуиции и положившись на тот самый «случай».

Вскоре он приметил большое и когда-то, возможно, даже красивое здание, которое до национализации явно успело побыть чьим-то дворцом, но уцелевшие таблички на двух языках по обе стороны от главного входа заклеили его в печальном качестве хранилища останков матери-природы.

Надо сказать, музеи всегда нагоняли на Барского тоску. Что могло служить лучшей иллюстрацией тщеты человеческой, если не развалы всевозможного барахла, сохранившегося до наших дней, в то время как от людей, его сотворивших, не осталось даже горсточка пыли и, за редким исключением, имен в памяти потомков.

Но тут дело обстояло иначе. Он понял это сразу же, как только прошел между двумя рядами почерневших деревянных идолов, распахнул незапертые двери и заглянул внутрь – сперва из чистого любопытства. Он увидел только беспорядочно разбросанные «вторичные материалы»: бумагу, пластик, дерево, папье-маше – в общем, бутафорию. Подлинные экспонаты то ли были вывезены, то ли их успели растащить на сувениры. Барский вряд ли получал бы удовольствие, имея дома, например, банку с заспиртованным зародышем обезьяны, но знал тех, кто получал бы. Кроме того, ему были ведомы и более предосудительные странности.

Большие зарешеченные окна музея заросли диким виноградом, и внутри царил зеленоватый сумрак. В залах, где были выбиты стекла, гуляли сквозняки, шуршала бумага и сухие листья, которые накапливались годами.

Барский поднялся на второй этаж и направился в крыло, охраняемое табличкой «Посторонним вход воспрещен» и отведенное под служебные помещения. Теперь тут не осталось «своих», а значит, не было и «посторонних» – таким образом преодолевалась одна из самых острых экзистенциальных проблем. Барский отметил это и расценил как хороший знак для него лично.

С первого взгляда было ясно, что директор отхватил себе недурной кабинет. Чего стоил один только огромный камин, который напоминал разинутую пасть мегалодона. Барский надеялся, что согреться летними ночами не придется (хотя как знать – погода в городе, по некоторым сообщениям, отличалась необъяснимыми внесезонными колебаниями с удивительно четкой локализацией). Камин являлся частью антуража, который ему всегда нравился и в который он всегда стремился вписать свою повседневную жизнь. Старый письменный стол, очевидно, оказался настолько неподъемным, что его бросили, лишь чуть-чуть сдвинув с продавленных отметин. Сохранился даже диван с валиками и деревянной спинкой – совсем уж анахронизм. Из надорванной диванной туши торчали лохмотья чего-то рыжего, но Барский решил, что, поскольку это ложе находилось не в спальне и не в алькове, а также вряд ли служило смертным одром, оно ему подойдет. Обзор из окон кабинета был достаточно широким, а сам городской пейзаж не лишен приятности: просматривались аллеи большого парка на юге и уходящий вдаль проспект на западе.

Барский поздравил свою интуицию с находкой. Всё к лучшему – здесь ему нравилось больше, чем в отеле «Европейский». Оставалось дожидаться мордастых ребят, называвшихся «командой» и напускавших на себя до смешного серьезный вид, из-за чего они смахивали на заигравшихся агентов какой-нибудь спецслужбы. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: эти вычислят его с помощью браслета. Барскому не слишком нравилось находиться под постоянным контролем, но не может же всё в этой жизни оставаться безоблачным.

Дождаться он предпочел снаружи. Некоторое время он провел в парке, посиживая на скамейках, прогуливаясь между соснами и дыша целительно чистым воздухом. Но памяти воздух не исцелял. Барского посещали разные мысли, в том числе ненужные. Например, он подумал, что в таком месте можно и умереть спокойно. Если избавиться от браслета, труп найдут не скоро, если вообще найдут. Кстати, можно всё подготовить заранее и обставить как исчезновение. Тогда, вероятно, обойдется без ямы в земле или урны с прахом. Без переоблачений, посмертного прихорашивания, перетаскивания тела, похорон, катафалков, прощаний, венков, свечек, панихид, лицемерных надгробных речей и запоздалых признаний в вечном уважении и дружбе, о которых при жизни даже не подозреваешь. А может, попросту вскрыть себе вены в кабинете? Но тогда эта гнида Розовский прибежит первым и займется некрофилией. Такому только дай дорваться до покойника с *историей*, и потом можешь сколько угодно кувиркаться в гробу – будет поздно. Нет, этого допустить нельзя. Только бесследное и окончательное исчезновение...

Барский вдруг поймал себя на том, что обдумывает всё это вполне серьезно, как программу действий, а не загул воображения, склонного к черному юмору. Хуже всего, что он ничего не почувствовал – ни страха, ни сожаления. Только гипнотизирующее притяжение последней тишины. Нельзя ему поддаваться. Оказывается, искушать можно и так. Тут дело в обрамлении: одно дело пустыня и Дьявол с его штучками, другое – сосны, уходящие верхушками в глубокое синее небо, и мигание в вышине первых звезд, как маяков, обещающих безболезненный путь к гаваням вечного покоя...

Он с трудом стряхнул с себя наваждение. За этим не нужно было ехать сюда. Он мог найти сотни подобных мест, не ввязываясь в крысиные гонки с молодым человеком. А раз уж ввязался, придется пройти всю дистанцию до конца. И посмотрим, у кого крепче дыхалка.

* * *

Получив в свое распоряжение компьютер, он без внешних признаков нетерпения дождался, пока оба курьера свалят. Проводив взглядом красные задние огни микроавтобуса, умчавшегося по проспекту, Барский направился к столу и несколько минут сидел, стараясь до капли исчерпать предвкушение. Это был знаковый для него момент. Еще никто такого не делал. Всё, что было раньше – обкатка на условных персонажах, – не шло ни в какое сравнение с открывшимися здесь возможностями.

Он медленно вытащил из кармана кисет с табаком и принялся набивать трубку. Первое ароматное облако всплыло к потолку уже в почти полной темноте. Свет падал только от звезд снаружи и с экрана ноутбука. Барский достал флэш-накопитель и вставил его в порт. Среди приличного количества маскирующего материала он нашел самораскрывающийся файл под именем *devil_junior* и нажал клавишу «Enter».

Пока шла установка, он сидел и думал, что делал бы без компьютера. Или что будет делать, если эти *настухи* из «команды» обнаружат софт и сочтут его недозволенным. А какого, собственно, хрена? Тогда и посмотрим.

Когда установка завершилась, он начал вводить исходные данные.

* * *

Программа была адаптирована одним старым приятелем Барского по его просьбе и для его же, Барского, специфических целей. Этот хороший приятель лет пятнадцать прожил в Кремниевой долине, где занимался разработкой программного обеспечения для аналитических подразделений ФБР и некоторых контролируемых этой конторой исследовательских организаций, но потерял работу, как он утверждал, в результате экономического кризиса и, как подозревал Барский, из-за ряда очень личных проблем.

Понятное дело, на родину этот незаменимый человек вернулся не пустым и, что самое приятное, умудрился не нарушить при этом ни одной статьи федерального законодательства. Если бы Барский знал, сколь многое можно спрятать в Сети, он бы сильно удивился. Но он был далек от этих игрищ, целиком поглощенный собственными – как ему казалось, гораздо более «человеческими».

В объяснения добросовестного приятеля он даже не пытался вникнуть – вся эта галиматья насчет «многофакторного анализа» и «нелинейных алгоритмов высокого уровня» была для него китайской грамотой. Его интересовал результат, который и впрямь оказался впечатляющим. К тому времени Барский уже осознавал, что вскоре превратится в анахронизм и останется без работы со своими безнадежно устаревшими методами «творчества», а после демонстрации возможностей программы его подозрения превратились в уверенность.

Эта не иначе как дьявольская штука творила иллюзорные реальности с бешеной продуктивностью и связностью, которые Барскому с его сгущавшимся на горизонте сознания маразмом даже не снились. Кроме того, готовый саморазвивающийся продукт идеально соответствовал запросам и требованиям нынешнего потребителя и без малейших проблем вписывался в любой контекст – от суперсовременного до ретроспективного или псевдо-исторического.

* * *

Он закончил ввод данных и активировал опцию «параллельная работа».

Теперь ему оставалось только ждать выработки первых «мотивирующих импульсов» для «креатур». И надеяться, что всё сопутствующее нейролингвистическое дерьмо проплывет мимо него, не затронув мозги. И ничего в них не сдвинув.

20. Оксана: «Не открывай эту дверь»

Она не сообщила Каплину адрес дядиной квартиры, хотя с самого начала собиралась в ней поселиться. Несмотря на молодость, Оксана имела некоторый опыт ни к чему не обязывающих отношений и достаточно здравого смысла, чтобы не смешивать их с деловыми. Каплин привлекал ее, как мужчина, однако при этом она ни на секунду не забывала, что он конкурент. Впрочем, как и остальные. И если она утаила от организаторов проекта кое-какую информацию, то дать знать об этом Каплину было бы, конечно, ошибкой.

Еще в старших классах средней школы она поняла, что окружающая действительность – это что-то вроде мужского клуба, где любой бык имеет больше прав просто потому, что он здоровее. Чтобы нормально существовать, женщине оставалось научиться манипулировать самцами, используя их в общем-то несложные инстинкты. И она быстро освоила эту прикладную науку, подкрепив ее искусством соблазнения. Литература была точкой, в которой для нее сошлись возможности тонкого манипулирования на расстоянии и свобода от мужской гегемонии. Проект обещал стать чем-то большим; со стороны это выглядело как новый уровень опасной игры, в которую и так все вовлечены, только не замечают этого, потому что не обозначены правила, начало и конец, награда за победу, и, само собой, нет арбитров – если не считать того, наверху, который, похоже, слишком стар для этой возни и давно ни во что не вмешивается.

И кто скажет, что она плохо начала партию? Одного самца уже подцепила, причем без ущерба для своего эстетического чувства, потому что Каплин ей нравился. Старый кобель Барский станет следующим. Им она собиралась заняться завтра. Был еще этот пережиток шестидесятых, которого даже не надо «вербовать». И оставалось только придумать, как лучше использовать «креатуру».

Во всяком случае, так ей казалось вечером, когда она рассталась с Каплиным возле отеля «Европейский». Они вместе спустились вниз, и он проводил ее до ближайшего перекрестка, а дальше она пошла сама, пытаясь по памяти сориентироваться в городе, в котором не была пятнадцать лет.

И столько же лет она не видела дядю. С ним были связаны чуть ли не самые яркие впечатления детства. Как она теперь понимала, некоторые общие знакомые считали его непризнанным гением, другие – сумасбродным эгоистом, испортившим жизнь своим близким. Но ей он жизнь не испортил, хотя она, случалось, проводила у него целые летние каникулы. Наоборот, он познакомил ее с некоторыми таинственными явлениями и фокусами, находившимися далеко за пределами обычных интересов ребенка соответствующего возраста. Позже «фокусы» уже казались ей чем-то более серьезным. Она до сих пор ломала голову над тем, что же все-таки это было...

За несколько лет до исхода ее родители прервали всякие отношения с дядей и не посчитали нужным объяснить ей причину. Мать отговаривалась тем, что Оксана еще слишком мала и всё равно ничего не поймет. А после исхода, когда они, как и многие другие семьи, получили сообщение, что их родственник не обнаружен ни среди живых, ни среди мертвых, необходимость что-либо объяснять отпала сама собой.

С тех пор она многократно возвращалась мыслями к своему исчезнувшему дяде. Сказать, что ее тянуло в город-призрак, было бы преувеличением, тем более что такое ностальгическое путешествие выглядело заранее обреченным на провал после сооружения Периметра. Однако она то и дело спрашивала себя, насколько сильно повлияла возможность снова оказаться в этих местах на ее решение принять участие в проекте.

У нее даже сохранились ключи от дядиной квартиры, которые она припрятала, когда родители стали понемногу избавляться от материальных следов дядиного существования. Постепенно это превратилось во что-то вроде тихой войны за ее память. В любом случае по

мере ее взросления влияние предков и зависимость от них с каждым месяцем ослабевали, и, едва оперившись, пташка покинула гнездо. Ее поджидало множество искушений и опасностей, но она умудрилась пережить период особой уязвимости без потерь и даже с некоторыми полезными приобретениями, а после неожиданного для всех, кроме нее, успеха первых книг стала пользоваться среди своей родни непрерываемым авторитетом.

Конечно, сейчас вымерший город неприятно давил на нее. Слишком тихо было здесь, и в то же время слишком гулко. Звучавшие время от времени птичьи крики только подчеркивали тишину. Пернатые выглядели словно мухи над пациентом, усыпленным хлороформом. И вдобавок, как заметила Оксана, птицы были пугливы, хотя с чего бы? Нет, так не пойдет. Надо заставить себя относиться к этому как к игре, в которой надо победить. Ничего плохого с ней случиться не может. Ты в этом уверена? Нет? Тогда почему бы тебе не зайти прямо сейчас в ближайший дом, не дожидаться ребят из обслуживающей команды и не получить от них всё необходимое? Зачем ты идешь туда, где могут воскреснуть призраки прошлого? Как минимум один призрак... Или – признайся себе – ты этого хочешь? Может быть, дядя что-то обещал тебе, а ты забыла? Да, наверное, в этом всё дело. Но что он мог тебе обещать? Потерпи немного, скоро узнаешь...

Она поймала себя на том, что шепотом разговаривает с собой. Или не с собой? Или с собой как не с собой? Черт, свихнуться можно. Такое впечатление, будто что-то витает в здешнем воздухе. Какое-то дерьмо, парализующее способность трезво оценивать свои действия. И при этом не было ощущения, что ее одурманили. Вино, которое она пила с Каплиным, – это всего лишь вино; тут нечто другое. Легкое опьянение давно прошло. Она словно наблюдала за собой со стороны, причем в данном случае «со стороны» означало – изнутри. Небольшая дистанция порождала иллюзию, что лично ей ничего не угрожает. Это как смотреть фильм и знать, что выйдешь из зала, даже если с главной героиней, которой сопереживаешь, случится непоправимое. Да, выйдешь из зала. Из мертвого города – тоже. Говорят, бояться надо живых...

Вот, наконец, двор, знакомый ей с раннего детства. И тут время понемногу возвращало природе старые долги, но первым делом Оксана подняла взгляд на окна дядиной квартиры. Они были закрыты, стекла целы. Это хорошо; ей не хотелось бы очутиться в комнатах, загаженных птичьим пометом, или еще хуже – облюбованных летучими мышами, чьи стремительные силуэты уже мелькали в темнеющем небе. А как насчет (ха-ха) дядиного трупа? Глупо, девочка, глупо. Так недолго и накликать беду...

Ноги сами понесли ее к подъезду. На закрытой двери кто-то вывел красным мелом и печатными буквами: «Не открывай эту дверь». Детей давно нет, а надписи остались. Грустно, хоть плачь. На самом деле ей не было грустно, но зачем-то она стерла надпись ладонью. Это было одно из тех действий, которым не находишь объяснения – ни сразу, ни потом.

Она открыла дверь, миновала темный первый этаж и начала подниматься по лестнице. В подъезде ничем не пахло; сверху доносился шум голубиной возни. Эти привычные звуки успокаивали. Она нащупала связку ключей, которую заранее переложила из сумки в карман. Возвращение спустя полтора десятка лет казалось будничным до серости. А чего она ожидала? Драматических приступов ностальгии? Каких-то особенных воспоминаний? Всё по-прежнему тонуло в дымке, похожей на туман, что стелился над темной рекой времени...

На двери квартиры номер 69 было написано то же самое: «Не открывай эту дверь». И, насколько могла судить Оксана, той же самой рукой. Хорошо, что детские игры ее уже не касаются, а то она напряглась бы. Она начала отпирать замки. И, само собой, стерла ладонью надпись.

Оксана открыла дверь и вошла в квартиру. Обстановка прихожей, знакомая ей до мелочей, осталась нетронутой со дня ее последнего визита. Дядя был не из тех, кто гонялся за модой, но и не из тех, кто отказывал себе в добротном уюте – особенно с возрастом. Маска какого-

то африканского демона по-прежнему висела на стене. Оксана помнила, как, играя, прятала за ней лицо, а дядя говорил ей: «Осторожнее, моя красавица! Однажды ты можешь поменяться лицами с демоном». Шутил, наверное...

Застекленная дверь, ведущая из прихожей в коридор, была закрыта. На волнистом матовом стекле бархатистыми дюнами лежала пыль, и оттого оно сделалось еще более мутным. Но сначала Оксана завернула в туалет, ощутив острый позыв. Входную дверь она оставила приоткрытой. В туалет едва проникал свет через узкие оконца под самым потолком, и искать унитаз пришлось почти на ощупь. Воды, конечно, не было. Поскорее бы приехали здоровяки из команды. Некоторые из них смотрели на нее так, что становилось ясно: при желании она могла бы получить определенные льготы. И, похоже, подобное желание скоро возникнет.

Она поморщилась, нашла в сумке пакетик с влажными салфетками и вытерла пальцы. Стоило забираться в такую даль... «Не ной, – сказала она себе, – ты еще ничего не видела». Она открыла застекленную дверь и медленно двинулась темным коридором. Дядя отличался педантизмом и, видимо, не изменил себе даже во время исхода – двери в комнаты были аккуратно закрыты. Ее тянуло в его кабинет: если в этой квартире и осталось что-нибудь ценное для нее, то, без сомнения, там.

Она толкнула дверь кабинета, в который падал свет через два больших окна в южной стене и в эркере. Здесь тоже ничего не изменилось... даже фигура за столом. Сколько раз, входя сюда, она заставляла дядю за работой. Стол стоял так, чтобы, сидя за ним, хозяин кабинета мог посмотреть на город через окна эркера. Вид открывался впечатляющий... Но сейчас Оксане было не до непривычно темной панорамы за стеклами. Страх приковал ее к месту.

Человек, сидевший к ней спиной, точно не был мертвецом – он что-то писал белым гусиным пером, напевая себе под нос какую-то мелодию. Несколько секунд спустя она окончательно убедилась в том, что это не дядя – фигура была низкой и щупловатой. Хотя нет, тело выглядело скособоченным, как будто правая и левая половины принадлежали *разным* людям... Человек не мог не слышать, как она вошла – если только не был глухим, – и его безразличие казалось ей чуть ли не зловещим. Она словно вторглась в чужой дом, хуже того – в чужое время, где ей не было законного места, и оставалось только застыть в оцепенении, ожидая, когда страх отпустит и всё разъяснится.

И это действительно случилось... но какой ценой.

Человек бросил перо на стол и обернулся к ней. Оказалось, что и лицо его смахивает на какой-то жуткий коллаж, соединивший в себе две половины: левая могла бы принадлежать ее сильно постаревшему дяде, правая – розовощекому юнцу с гладкой кожей и белозубой улыбкой. По отдельности каждое из этих лиц, наверное, было по-своему симпатичным; результат их слияния в противоестественном союзе выглядел кошмарно. Голова получилась несимметричной, словно ее силуэт не слишком аккуратно вырезали ножницами из иллюстрированного журнала. Левого глаза не было. Вернее, *почти* не было. На дне глазницы что-то поблескивало, словно жемчужина в черной раковине. Оксана могла бы поклясться, что это миниатюрный кукольный глаз. Но эти «недостатки» не казались последствиями странной болезни, ранения или врожденного уродства, да и сама чудовищная пародия на двуликого Януса, очевидно, не чувствовала себя ущербной.

– Наконец-то, – произнес человек чуть ли не по слогам, – я тебя заждался.

Он взял со стола что-то, напомнившее ей сначаладохлое животное. Оказалось, что это маска, сохраняющая форму, словно застывший воск, и пугающе похожая на человеческое лицо. Оксана не сразу узнала это лицо – возможно, дело было в отсутствии глаз. Сквозь прорези она на мгновение увидела ухмылку – белые зубы юнца справа и часть дядиных протезов слева.

– Что смотришь? – спросил «Янус» всё так же медленно, будто с трудом подбирая слова. – Я еще расту...

А маску она узнала немного позже, когда человек встал и приблизился к ней вплотную со словами:

– Пришло время меняться, моя красавица. Примерь-ка вот это.

Всё ее внимание было приковано к маске, и, возможно, поэтому она не сразу заметила в другой его руке раскрытую опасную бритву.

21. Елизавета в саду

Едва одетая женщина стояла в саду, по колено утопая в густой влажной траве. Несмотря на холод, которым тянуло от земли, она не двигалась уже очень долго. За это время тонкий полумесяц народившейся луны успел заметно сместиться вправо от колокольни, которая возвышалась над крышами и верхушками деревьев.

Елизавета поступила так, как велела ей Лада. Отошла от церкви ровно настолько, чтобы балкон скрылся из виду, и направилась к первому попавшемуся на глаза дому. Здесь она просидела до глубокого вечера, глядя на облупившиеся стены и разбитое зеркало. Неудобств и окружающего уродства она не замечала. Ей было всё равно, где и на чем сидеть.

В одиннадцатом часу двое из «обслуживающего персонала» – мужчина и женщина – приехали на микроавтобусе и занесли в комнату компьютер, баллон с питьевой водой и двухдневный сухой паек. Они не обменялись с Елизаветой ни единым словом. Потом она снова осталась одна.

В начале двенадцатого Лиза открыла ноутбук и послала сообщение своему «хозяину». Без четверти двенадцать получила приказ. После того как в полночь отключили электричество, находиться в доме стало невыносимо. С тех пор она, подобно статуе или привидению, торчала в саду. Это не противоречило приказу. *Пока* не противоречило.

У нее появилось время всё обдумать. Ну что же, она хотела уйти от мужа – и вот она свободна. Правда, найти ее не составило бы труда, достаточно включить телевизор и посмотреть репортаж о проекте. Она получила фору лишь потому, что ее благоверный всю последнюю неделю провел в Дубае с какой-то шлюшонкой. Впрочем, крепкие парни, которые охраняли Периметр, вселяли надежду на то, что здесь он до нее не доберется, несмотря на свои связи, деньги и «референтов по особым поручениям».

В будущее она не заглядывала, там всё было подернуто мраком. Она привыкла жить одним днем, иногда – одним часом. Может быть, поэтому она не ощущала уходящего времени. Сейчас главным для нее было снова почувствовать себя человеком, а не боксерским мешком, обернутым в дорогие тряпки, и не куклой, чьи желания и потребности абсолютно ничего не значили.

До ее слуха, привыкшего к тихой умиротворяющей музыке этой ночи, донесся какой-то новый звук. Она почти перестала дышать и повернула голову вправо. Серп луны посылал слишком мало отраженного света. Что-то приближалось со стороны, противоположной той, где находилась церковь.

Тень возникла в конце улицы, едва различимая на фоне домов и заметная лишь потому, что двигалась. Причем двигалась как-то странно: плавно и без раскачивания, будто плывущий над трясинной призрак. Сопровождавший ее звук тоже был не вполне обычным: скрип, отмеченный зловещей механической повторяемостью.

Если раньше холод подбирался к ее ногам, то теперь Елизавета ощутила лед в груди и в желудке. Внутри этого смерзшегося куска плоти колотилось ее сердце, но в конечностях кровь почти застыла, и женщину охватило оцепенение. Прежде она не двигалась по собственной воле, а теперь не смогла бы шевельнуть и пальцем, даже если бы знала, что от этого зависит ее спасение.

Тень была уже примерно в двадцати шагах и внезапно оказалась в полосе тусклого лунного света. Лиза едва не рассмеялась, но смех заглох, не успев родиться.

Любитель ночных велосипедных прогулок, одетый во что-то вроде длинной куртки с поднятым капюшоном, конечно, выглядел забавно. Правда, гораздо менее забавно выглядела свора молчаливо следовавших за ним собак. Прежде чем Елизавета увидела их и поверила увиденному, у нее промелькнула мысль, что это мог быть кто-нибудь из «персонала». Когда

же она поняла, что свора построена «свиньей» и в таком порядке неторопливо двигается за велосипедистом, ей и вовсе расхотелось смеяться.

Собачки были как на подбор – огромные псы неопределенной масти, с низко посаженными головами. Они перемещались с необъяснимой и даже какой-то роботообразной сосредоточенностью. Если животных можно загипнотизировать, то Лиза наблюдала нечто подобное. Казалось, ничто не может отвлечь их от следования в хозяйской колее – ни желание задрать лапу, ни бродячие коты, ни даже человеческий силуэт в саду. Силуэт, которого в минувшие ночи не было и от которого исходил запах. Этот запах неизменно будил агрессию – во всяком случае, в двуногих самцах.

Чем еще могла пахнуть Елизавета в эту минуту, если не страхом...

Когда ночной велосипедист скрылся из виду и затих скрип его давно не смазанного велосипеда, она вдруг вспомнила, что должна сделать. Теперь ей было легче, гораздо легче выполнить приказ. Всё равно что сыграть хорошо знакомую, привычную роль.

Она вернулась в дом и достала из сумки то, что пригодились даже раньше, чем она предполагала. Поглощенная приготовлениями, Елизавета не слышала, как в саду скрипнула калитка, и не видела упавшей на дорожку тени.

22. Гоша наслаждается покоем

Впервые за много ночей он ощутил покой.

Он не помнил, когда в последний раз с ним случалось такое; вполне возможно, никогда, потому что ему еще не приходилось оставаться на ночь в покинутом людьми городе. Днем ощущение было не столь явным, не столь всеобъемлющим, не пробирало до печенок и не укрощало глухую злобу глубоко внутри, свернутую в тугую спираль, – только тронь... Однако ночью, под звездами, освобожденными от гнетущей власти электрического света, в нечеловеческой тишине, вне зоны досягаемости широкополосного убийцы снов, покой объял его, словно темная вода, нагретая до температуры тридцать шесть и шесть десятых градуса, избавляющая от земной тяжести, заставляющая вообще забыть о такой предательской штуке, как подизносившееся тело.

Правда, потом заныли суставы, подкрался холод, пришлось надеть куртку, натянуть капюшон, чтобы компенсировать отсутствие подушки, и укрыться найденным тут же куском брезента. Холод и твердые доски не заставили его выбрать другое место для ночлега. Как ни странно, лежа в открытом кузове брошенного на обочине грузовика, он ощущал себя наименее уязвимым. С самого начала он почувствовал враждебность города, и это была не паранойя, это было чутье. А раз так, то любой дом мог враз превратиться в ловушку. Грузовик, конечно, никакое не укрытие, но отсюда Гоша при случае мог сбежать, и здесь, как ему казалось, было гораздо труднее застать его врасплох.

По большому счету плевал он на удобства – особенно когда его существование достигло некой поворотной точки. Гоша еще не знал, насколько крутым будет поворот и где он окажется после этого (очень возможно, что в кювете), однако предчувствие и ожидание изменения не могли быть простым самообманом.

Люди, которые еще засветло привезли ему воду, паек и компьютер, ничуть не удивились его лежбищу – по всей вероятности, им были знакомы и более странные проявления индивидуализма. Что касается компьютера, тут вышла заминка – с этой чертовой современной электроникой Гоша был отнюдь не на «ты». Он прошел тестирование лишь каким-то чудом – возможно, потому, что заранее положил на результат. А теперь довелось повозиться. Он дважды вводил свой персональный код и трижды набирал адрес лесбиянки, прежде чем сумел отправить той сообщение. А до этого долго тыкал в клавиши наугад, пытаясь найти заковыристый символ, – из головы начисто вылетели комбинации с «шифтом».

Полученный ответ его вполне устроил: ему велено было ждать и выйти на связь утром. Именно тогда, закрыв ноутбук и решив посмотреть, куда вынесет течение, если не дергаться, он погрузился в темноту окружающей ночи и ощутил тот невероятный покой, который оказался далеко не вечным и к рассвету оставил только кисловатый осадок чего-то несбывшегося.

* * *

Было слишком рано для... для всего. В сумерках и сыром тумане город выглядел как старая черно-белая фотография. Гоша застыл в оцепенении. Сколько раз с ним бывало раньше: он просыпался в луже тоски и куда ни посылал вяло шевелившиеся мысли, те проваливались и исчезали из виду – всюду зияла пустота.

Обычно, когда наступало очередное пустое утро, он отправлялся на пробежку, чтобы растрясти жирок, а заодно проветрить запыхавшиеся мозги. Но это утро не было пустым. Доверху заполненное неопределенностью, оно тянулось, напоминая томительное ожидание на вокзале.

В памяти внезапно всплыли откровения «семинариста» Нестора, которыми тот поделился с ним в автобусе: «мы все курьеры, и каждый туда что-то везет». Гоша поразмыслил над этим. Может, Нестор и не такой уж блаженный, каким выглядит. В самом деле, каждый обречен тащить багаж, который не сбросишь при всем желании. Вопрос только, что делать с этим бараклом в конкретном месте и в конкретное время. Самое смешное, «семинарист» производил впечатление человека, который знает, что делать, – только смеяться Гоше почему-то не хотелось.

Между тем птичий гомон нарастал, словно невидимый звукооператор плавно двигал вверх регуляторы на микшерном пульте. Мгла отступала, забивалась в углы, пряталась под землю. На востоке рассеивалась дымка, пронизанная первыми лучами солнца.

Когда Гоша в очередной раз поднял голову над бортом, чтобы осмотреться, в кабине грузовика что-то блеснуло. Подавшись вперед и поменяв ракурс, он разглядел компакт-диск, подвешенный к зеркалу заднего вида. Пару раз он слышал маловразумительные объяснения того, зачем это делается, – что-то вроде современного водительского фольклора. Новая «техномагия» рождалась на глазах.

В другое время он тут же забыл бы про цацку, но сейчас ему было элементарно скучно и он не знал, как убить время. Чтобы достать диск, даже не требовалось вылезать из кузова – достаточно протянуть руку через заднее окно кабины.

Сняв диск вместе со шнурком, на котором тот был подвешен, Гоша повертел его в руках. Никаких надписей; одна плоскость белая и матовая, другая, как положено, – зеркальная (но довольно сильно поцарапанная), с кольцевой каймой, оттеняющей нарезку. Хорошо бы, какой-нибудь старый фильмец без беготни и мордобоя. Только не музыка – любую музыку Гоша воспринимал как более или менее назойливый шум. В принципе, его устроила бы и порнография. А что, было бы совсем неплохо, учитывая предшествовавшее длительное воздержание и отсутствие каких-либо перспектив.

В компьютерных делах Гоша был, конечно, «чайник», причем почти пустой, но не до такой степени, чтобы не суметь воспользоваться DVD-ROM'ом. Он включил ноутбук, положил диск на выкатившуюся сбоку губу и нажал всё, что желательно нажать, если хочешь созерцать не только заставку «Windows». Тем более что система сама спросила, что он хочет делать. Для начала он захотел открыть компакт-диск, и после долгого натужного скрипа это таки произошло.

К его разочарованию, фильма там не было – в смысле, художественного фильма. Документального порно, впрочем, тоже (разве что кто-то трахал ему мозги). Не было даже противного шума, именуемого музыкой. Гоша далеко не сразу сообразил, что же такое он видит. Для этого требовалось быть в курсе принципа систематизации, а он не был в курсе. Он просто читал названия первых попавшихся на глаза папок (в основном, последовательности цифр, похожие на даты, а иногда ни на что не похожие), открывал их и запускал файлы.

Спустя определенное время у него забрезжила смутная догадка. *Случайная* находка смахивала на материалы некой экспедиции (если быть точным, четвертой), которая изучала на территории города (*бывшего* города) нечто настолько выходившее за рамки, что Гоша не знал, плакать ему или смеяться. Полистав «отчеты», просмотрев три десятка фотографий и два пятиминутных видеоролика, он криво ухмыльнулся и сказал себе: «Ну нет, на такую дешевку я не куплюсь». Происходящее с ним чрезвычайно напоминало ему даже не фильм, а всего лишь выхваченный наугад эпизод из сериала, который станешь смотреть исключительно по причине бессонницы или скуки. Но именно так и обстояло дело, разве нет?

Что ж, одного он точно добился – скучно ему уже не было. Минутный порыв сломать диск во избежание дальнейших искушений он кое-как в себе переборол и задумался, что делать дальше с этим дерьмом. Причем даже не с тем, что было записано на диске, а с тем, что отложилось у него в памяти, несмотря на внутренние протесты и издевательские комментарии вто-

рого «я». Опять-таки, это был отличный пример попавшего в голову мусора, который теперь не выгрузишь даже при желании, да и надо еще разобраться, насколько оно сильное, искреннее и вообще имеет место.

Тут ему приспичило отлить, и он с радостью отвлекся. Спина затекла, суставы хрустели. С некоторым трудом (годы, годы!) он выбрался из грузовика и отправился в ближайший скверик. Но дышалось легко, почти первозданно. Журча, Гоша озаботился насчет кофе. Пакетики с молотым «Nescafe» имелись в пайке, и требовалось только найти розетку. Скоро должны были включить электроснабжение (интересно, какой идиот придумал этот «мертвый час»? И главное, зачем?).

Сначала Гоша собирался удовлетворить свои незамысловатые потребности, затем войти в сеть, чтобы получить ценные указания от лесбиянки. И если бы не диск, всё в его жизни было бы просто и ясно на ближайшие несколько часов. Диск оказался чем-то вроде шила в стареющей и нелюбопытной Гошиной заднице, которое тем не менее ощутимо покалывало и грозило в любой момент превратиться в полноценный геморрой.

Он зевнул во весь рот, едва не вывихнув челюсть, и поплелся к ближайшему дому искать розетку, чтобы вскипятить воды для утреннего кофе. Но с полдороги вернулся, скопировал диск на ноутбук и спрятал находку в нагрудном кармане.

23. Лада знакомится с Параходом

Ей удалось поспать в общей сложности не более трех часов, и чувствовала она себя соответственно. Сильнодействующие болеутоляющие и снотворные препараты, которых не было в свободной продаже, если и *сильнодействовали*, то не на нее. Она забывалась тяжелым сном только от предельной усталости, но боль в конце концов пробивалась и туда, под черный панцирь бессознательности, и начинала крутить свое кино: сначала в виде кошмаров, затем на границе бреда и яви, уродуя самые простые ощущения всё более грубым инструментом – иглой, скальпелем, бритвой, секатором...

Под утро ей приснился ее последний любовник, которого она бросила на пике их отношений, потому что знала: дальше всё покатится по наклонной, дальше будет только хуже. И дело было не в нем; дело было в ней. Следовало признать: чернота, растущая внутри нее, сильнее любви и здравого смысла. И что бы там ни твердили *здоровые* поэты, есть боль, которая сильнее любви, время сильнее любви и, конечно, смерть сильнее любви. Всё остальное – приятное самообольщение. А на это у нее уже не оставалось времени. Но во сне она себя не контролировала, и сон был хорошим, в нем не было времени и болезни, а было только бесконечное утро, чистый свет, голубой снег за окнами, тишина и любимый человек рядом...

Тем тяжелее оказалось пробуждение. Лада открыла глаза и, задыхаясь от навалившейся боли, не сразу поняла, где находится. Некоторые специфические запахи не выветрились и за десяток лет, и ей почудилось, что это снова больница. Дермовея не придумаешь. Она лежала в огромной одиночной палате с благодатными фресками на стенах и частично разбитыми витражами в высоких узких проемах. Сквозь них и проникал свет.

Потом она вспомнила всё: дурацкий проект, церковь, несчастную женщину по имени Елизавета, у которой была страшная, прямо-таки трагическая проблема – муж трахал ее в задницу, когда ей этого не хотелось. Лада решила бы эту проблему за несколько секунд (если предположить, что проблема вообще возникла бы), но не следовало мерить других людей на свой аршин, это она давно усвоила. А кроме того, с некоторых пор у нее появилась новая роль: она больше не принадлежала себе; она вручила свою жизнь одному из этих недоумков, потому что не знала, что делать с жалкими остатками времени и сил. Только дать попользоваться другим, раз уж нашелся клиент на такое фуфлю.

Как ни странно, после этого ей действительно стало немного легче – совсем чуть-чуть, но всё же. Вот, например, вчера она получила задание. Обретение *зависимости* сопровождалось незнакомыми ощущениями; Лада уже и забыла, когда в последний раз с ней случалось подобное – наверное, в школе. И появилась дохленькая надежда, что теперь кто-то будет решать за нее, думать за нее, выбирать за нее, растягивать и сжимать ее время – а ей останется только слепо подчиняться и действовать, выполняя чужие приказы, – желательно без единой мысли в голове, без воспоминаний вроде сегодняшнего, без сожалений о чем-либо и без жалости к себе.

* * *

Церковь была электрифицирована куда лучше, чем, например, ее дом на берегу озера Лаго-Маджоре (там, в Швейцарии, несколькими годами раньше ей казалось, что поиграть в старину будет забавно). И, самое главное, скрытая проводка осталась нетронутой.

В одноэтажном строении на задах церковного двора Лада обнаружила действующий душ с автономным водоснабжением. Смыв пот тяжелой ночи, она почувствовала себя немного бодрее, хотя дождевая вода имела легкий запах.

На обратном пути она заметила крест в зарослях, почти полностью утаивших могилу какого-то иерарха. Раздвинув ветки, Лада прочла надпись на замшелом могильном камне:

*Мы погреблись с Ним крещением в смерть,
дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца,
так и нам ходить в обновленной жизни¹.*

Она задумалась, как будет ходить еще в этой жизни, – до отеля путь неблизкий, а таксистов что-то не видно. Ничего, как-нибудь доползет...

Лада поднялась на балкон и заварила травяной чай. Выпила его стоя возле перил, наблюдая все оттенки утреннего тумана – от лилового до седого, – пока тот не растворился без следа. Если не считать птиц, город выглядел безусловно и окончательно мертвым. И зачем только они, собравшиеся здесь жалкие клоуны, пытались оживить его своим присутствием?

Лада сунула руку под халат и осторожно потрогала свое тело. В нескольких местах вяло шевелилась боль – вполне терпимая по сравнению с той, что одолевала ночью. Кожа казалась бумажной, выпирали ребра, а такую грудь она носила, по ощущениям, лет в пятнадцать. Это была легкость гербария, в которой уже угадывалась летучесть пепла...

Пора. Она надела джинсы, рубашку, туфли на низком каблуке. Всё дорогое, добротное, немного свободное – вот что значит сделано в свободном мире... Лада взяла небольшую, но вместительную кожаную сумку, в которую положила лекарства, полулитровую пластиковую бутылку с водой, плитку черного шоколада, пачку сигарет, зажигалку, цифровой диктофон, набор отмычек, изготовленных одним из лучших мастеров своего дела, швейцарский складной нож, фонендоскоп и катушку скотча.

Она привезла с собой еще кое-что, с чем не хотелось бы расставаться преждевременно. Судя по заданию, которое она получила, опасалась она не зря. Побродив по церкви, Лада не нашла подходящего места для хранения багажа и в конце концов спрятала дорожную сумку в кустах за могильным камнем иерарха.

* * *

Первые полчаса пути показались ей сносными. Но потом она лишилась сил так стремительно, как будто преодолела километров двадцать и этот промежуток начисто стерся из памяти. Пару сотен метров Лада тащила, стиснув зубы, пока всё не поплыло перед глазами и она не поняла, что вот-вот рухнет на асфальт.

Она действительно не запомнила, как добралась до ближайшей скамейки, и начала снова осознавать себя лишь тогда, когда почувствовала, что кто-то брызгает ей водой в лицо. Она вслепую взяла бутылку из чьей-то руки, сделала пару глотков, поняла, что кто-то рылся у нее в сумке, и, возмущенная этим, окончательно пришла в себя.

В ее прояснившемся, но всё еще слегка размытом по краям поле зрения нарисовался старый хиппи – квадратный метр вытертой до невозможной ветхости джинсы и черная футболка с белой надписью «Иисус тоже любит это дело». Буква «д» была зачеркнута, и поверх намалевана жирная красная «т». Он стоял перед ней, внимательно смотрел на нее и теребил седую бороду. Был он не босиком, а в тяжелых тупоносых ботинках – видимо, с поправкой на страну.

Она постаралась улыбнуться (как-никак он оказывал ей помощь):

– Спасибо, я в порядке.

Он медленно кивнул, явно сомневаясь в том, что она в порядке. Да и сама Лада, честно говоря, испытывала почти неодолимое желание лечь. Но это было не в ее правилах, ведь она уже ввязалась в игру.

¹ Рим. 6:4

Видя, что она по крайней мере не свалится со скамейки в ближайшие пять минут, он уселся с нею рядом. Она почуяла запах немывтого тела, однако это не вызвало у нее отвращения. Может, дело было в изменившейся самооценке – к тому времени она уже остро осознавала собственную ущербность. А может, причина была в чем-то неуловимом, что передавалось сродни запаху и не подчинялось никакой логике, даже женской.

– Сколько они тебе давали? – спросил старый хиппи.

Вопрос не нуждался в уточнении. Зачем говорить «гребаные врачи»? «Они» – хорошая замена. Он произнес это так, словно был совершенно уверен, что она его поймет правильно. И она действительно поняла сразу; более того, она вдруг почувствовала своим больным нутром, что ему известно многое, даже то, чего никогда не было и не будет сказано вслух. Вопрос, откуда известно, был не таким уж существенным. Может, Елизавета растрепала, но это казалось маловероятным и не объясняло «утечку» сведений, которых Лада не сообщала никому.

– Три месяца.

– Больше, – сказал он. – Ты продержишься дольше. Они кое-чего не учли.

С его стороны это явно не было попыткой сказать что-нибудь вдохновляющее.

– Как вас зовут?

– Параход, мне так привычнее. Можешь на «ты».

– Пароход?

– Па-ра-ход. Через «а».

– Поняла. Вроде как «парапсихолог».

Он пожал плечами, мол, обсуждать тут нечего.

– Идти сможешь?

– Смогу.

– Вряд ли, я же чую. Дай-ка...

Он положил руку ей на грудь таким естественным жестом, будто собирался приласкать любимую кошку.

В первое мгновение Лада подалась назад, но этому помешала спинка скамейки, а в следующую секунду у нее на губах засохло готовое сорваться матерное словечко. Дело было в ошеломительной скорости, с которой ей передалось облегчение, как будто этот Параход взвалил на себя часть ее тяжести. Не снял, нет – она и не надеялась на невозможное, – но к ней вдруг пришло *понимание*, установившееся без единого слова и едва ли не более важное, чем преодоление боли. Впервые на ее памяти в мужском прикосновении не было ничего сексуального. А если и было, то ровно в такой степени, в какой она сама еще считала себя женщиной, способной нравиться и вызывать желание... или отвращение – если бы ей вдруг взбрело в голову снять одежду перед мужчиной.

Часть скопившейся внутри нее черноты, подобно отравленному соку, всасывалась в его руку, совершала круг обращения, проходя через его нервы, кишки, кровеносные сосуды, мозг, сердце и еще один, главный фильтр, который невозможно было бы обнаружить ни при каком, сколь угодно тщательном, вскрытии. Затем чернота возвращалась – неминуемо возвращалась, потому что это была *ее* чернота; нельзя было отдать ее другому даже в том случае, если бы этот другой проявил готовность к экстатическому самопожертвованию (а Параход ничего подобного делать, конечно, не собирался, да и был не способен), – но концентрация медленной смерти в этой зловещей субстанции была намного ниже первоначальной. Разреженная и разбавленная какой-то безвкусной водичей, каким-то безразличным к существованию элементом, субстанция текла в ее жилах подобно остывшей крови, и теперь не так страшно было умирать, ждать смерти... и гораздо проще смириться с постоянной болью.

Когда очередной цикл завершился (вероятно, фильтр забился до отказа), Параход отнял руку. Его лицо посерело и покрылось бисером холодного грязного пота. Лада повернула голову,

чтобы посмотреть на него, – сейчас рядом с ней сидел человек лет на десять старше того, который всего пять минут назад спросил, сколько времени ей давали.

Он улыбнулся, и морщины возле глаз стали глубже.

– Теперь сможешь. – Голос Парахода звучал сипло, и она протянула ему бутылку с водой.

Он сделал глоток, и тут его словно ударили в солнечное сплетение. Спазм был таким сильным, что он не смог бы соблюсти приличия, даже если бы захотел.

Его скрутило и одновременно вывернуло; вода из глотки выплеснулась на асфальт. Прежде чем лужа сделалась просто темным пятном, Лада успела заметить, что жидкость была грязно-коричневого цвета. Как моча с кровью. Только хуже.

Параход отдышался и только после этого сумел нормально напиться.

– Спасибо... – начала она благодарить, посчитав момент подходящим, но он покачал головой. Говорить он всё еще мог с трудом, и его речь звучала отрывисто:

– Да не за что... Тут благотворительностью и не пахнет. Назовем это сделкой. Когда-нибудь сочтемся... и я, кажется, знаю когда.

– Ладно. Так даже проще.

– Вот именно. В твоём положении лучше не усложнять.

Его прямота, как и раньше, могла показаться жестокой, но не Ладе. Предрассудки, ложь во благо, лицемерное сочувствие, желание казаться лучше или хуже, вообще желание *казаться* – всё это было настолько несущественным, что рядом с Параходом она чувствовала себя почти так же свободно, как в одиночестве. Дьявольски странное ощущение. Ничего общего с дружбой, любовью или хотя бы симпатией. Но и это уже не имело особого значения – Лада действительно не могла позволить себе роскошь что-либо усложнять.

– Ну, мне пора. – Она встала и убедилась, что достаточно устойчиво держится на ногах, а мир не делает попыток превратиться в карусель. – Тебе не нужно в отель?

– В отель? Нет. – Он всё еще выглядел преждевременно состарившимся. – У меня другое задание.

24. Соня рассматривает картины

Она озадаченно рассматривала картины, найденные ею в просторной и очень светлой мастерской на втором этаже особняка. Собственно, картин было две, и они, в отличие от других, вставленных в рамы и развешенных по всему дому, оказались незаконченными. Художник явно не пользовался популярностью даже среди мародеров. Правда, был и другой вариант: он мог остаться здесь после исхода, продолжать творить «для души» и умереть от нескольких причин на выбор – старость, болезнь, «неприемлемые воздействия»... При мысли о том, что где-нибудь в доме или поблизости может находиться мертвец, Соня поежилась. Она не боялась мертвецов (обычно ей делали гадости живые); так действовало на нее одиночество – можно сказать, изоляция.

Незаконченность этих двух полотен выражалась скорее в отсутствии рам и лакового слоя, нежели в самой живописи. А вот отсутствие рта у мужчины, изображенного на портрете (возможно, автопортрете), нельзя было, на взгляд дилетанта, к каковым Соня относила и себя, считать признаком незаконченности: даже дилетанту ясно, что никто не дописывает рот отдельно и после всего остального, тем более что «остальное» было прописано в высшей степени тщательно, с чрезмерным педантизмом любителя, взявшего кисти в руки слишком поздно, чтобы обрести подлинную легкость. При этом не скажешь, что рот замалеван; она специально рассмотрелась – тот же характер мазка, те же цветовые отношения. В общем, портрет генетического уродца, неизвестно как дотянувшего до зрелого возраста. Может (фантазировала Соня), его питали через трубочку, вставленную непосредственно в горло. Она даже опустила взгляд на шею бедняги, потом все-таки заставила себя улыбнуться. Да, подруга, с такими мыслями ты скоро дойдешь до ручки...

А если посмотреть с другой стороны (не на подрамник, нет): метафора существования в принципиальной изоляции, непонятости (вот и она не поняла), некоммуникабельности, тотального отчуждения, врожденной немоты, бесполезности любых и всяких слов, невозможности выразить происходящее, молчаливое послание миру – *«мне нельзя говорить»*. Соня еще много чего могла приплести по этому поводу (такова была ее профессия – плести кружева словес, невзирая на их философическую бесполезность), но, как ни крути, лицо без рта производило угнетающее впечатление.

Однако не столь угнетающее, как второе полотно. Это был пейзаж – явно вид на город через огромное панорамное окно мастерской, – который достаточно хорошо и в мелких деталях соответствовал действительности, с поправкой на сезон и минувшее с момента написания картины время. Кстати, какое именно время, Соня не знала – ни на портрете, ни на пейзаже не было ни дат, ни подписи. Пейзаж мог бы сойти всего лишь за свидетельство банального умиления красивым видом, если бы не глаз в небе над городом.

От этого глаза пробирала необъяснимая дрожь, и в равной степени необъяснимый холодок пробегал по спине. Прописанный так же подробно, как и остальные детали, глаз не оставлял сомнений в том, что был нечеловеческим. Издалека его можно было принять за рваную дыру в сплошных облаках, да еще с тускло сияющим кружком луны в сердцевине (в первый момент, с порога мастерской, Соне так и показалось), но затем, когда становилось очевидным другое, взгляд этого глаза уже не отпускал, притягивал, заставлял возвращаться к нему снова и снова, сколько ни ищи подлинную или мнимую красоту внизу, на земле.

Как ни странно, секрет воздействия, возможно, крылся именно в художественном несовершенстве обеих работ. Они выглядели как добросовестно запечатленные состояния, для более изощренного изображения которых художнику просто не хватило мастерства, фантазии и таланта, – и это парадоксальным образом придавало им какую-то трансцендентную и вместе с тем почти документальную подлинность.

* * *

Вдоволь налюбовавшись на плоды чужой самореализации, Соня задумалась, можно ли каким-нибудь краем приделать их к ее собственным потугам, чтобы в перспективе потянуло на миллион. Никакой иной ценности в этих двух холстах она не усматривала, один только вред – бередящее душу беспокойство. С другой стороны, ей уже нравилось думать, что картины были свидетельством чего-то реального (помимо психозов художника). Оставалось домыслить, чего именно. Затем бросить камешек в здешний застойный водоем и смотреть на расходящиеся круги. Опыт подсказывал ей, что волны иногда поднимаются очень даже приличные.

Тут она поймала себя на том, что ее тянет поведать некоторые вещи бумаге – именно бумаге, а не чреву казенного ноутбука, который, возможно, автоматически сливал всё, что в него попадало, на соответствующий адрес. Но нельзя было забывать и о деле. Страдая от раздвоения, она помоталась по дому, лишний раз убедилась, что остальные картины – обыкновенная любительская мазня, вылакала две лишние чашки кофе и, наконец, все-таки схватила ручку и блокнот.

Следующие сорок минут она быстро и сосредоточенно писала, охваченная знакомой лихорадкой, – слова приходили сами, рука летала, в голове было прозрачно и почти пусто, словно в огромном зале с распахнутыми окнами, через которые откуда-то доносится тихая и не вполне различимая музыка.

А потом ей все-таки пришлось засесть за компьютер. Первое, что она увидела, открыв свой ящик, это письмо от Барского – ответ на ее послание, отправленное вчера вечером. Старый кобель, оказывается, ничего не забыл – еще бы, она сделала всё, чтобы *ее* он запомнил. Предложение «встретиться на его территории» вызвало у нее улыбку. Все они одинаковы, независимо от количества мозгов, литературных заслуг и прожитых лет. И этот клюнул...

Задание для «креатуры» она набрала быстро – оно самым естественным образом вытекало из текста, уже имевшегося в ее блокноте. Соня перечитала написанное. Возникавшее при этом впечатление, что некоторые куски она видит впервые и они *сделаны* не ею, тоже было ей знакомо, поэтому у нее ни на секунду не мелькнула мысль о возможной шизофрении. Или о чем-то похуже.

Отправив сообщение по электронной почте, она вышла из особняка в сад, чтобы насладиться началом прекрасного летнего дня.

25. Каплин: В разбитом зеркале

Направляясь отлить, он увидел листок бумаги, белеющий под дверью номера. Каплин зевнул и решил не отклоняться от первоначального курса.

Освободив мочевой пузырь, он посмотрел в разбитое зеркало. Лицо дробилось, разъезжалось на множество секторов в соответствии с рисунком трещин самого зеркала. В получившейся картинке можно было углядеть всё что угодно. И до бесконечности считать глаза, рты, уши...

Каплин задумчиво потрогал щетину. Бритва никуда не денется. У него появилось некое смутное предчувствие, понять бы еще – чего именно.

Он вышел из туалета, открыл дверь номера и выплянул в коридор. Честно говоря, он удивился бы, если бы кого-нибудь там увидел. Некоторые действия совершаются только ради того, чтобы потянуть или угробить время. Кстати, о времени. Он посмотрел на часы – было около половины восьмого. Только тогда он наклонился и поднял бумажку.

На грязноватом мятом листке, вырванном из блокнота, было выведено большими печатными буквами и без знаков препинания: «ЕСЛИ ХОЧИШЬ НАЙТИ СВАЮ ДЕВКУ ЖИВОЙ ПРИХАДИ В 9 НА УЛЛИЦУ ШИКСПИРА ШОБ НЕ САМНЕВАЛСЯ ЗМЕЙ НА ПОПЕ».

Почерк как будто детский – кривые линии, «Р» и «Ч» в зеркальном отражении, – но вряд ли писал ребенок, разве что под диктовку взрослого. Безграмотность послания казалась несколько нарочитой, особенно порадовала «уллица». А вот упоминание о «змее на попе» (речь наверняка шла о драконе на задике) заставило напрячься. Оксана не слишком смахивала на девушку, которая показывает свои интимно расположенные татушки всем подряд. Да и дракон был таким, что как следует разглядеть его можно было только с близкого расстояния. Каплин, например, получил такую возможность, когда целовал спинку, ну и... ниже. Даже когда Оксана танцевала перед ним обнаженной, дракон выглядел всего лишь переливающимся пятнышком на очаровательной загорелой дольке.

Короче говоря, «змей на попе» – это был аргумент. Причем едва ли не единственный (если не считать пожара), посредством которого его, Каплина, можно выманить из номера. Примитив, конечно, но именно в этом крылась чертовски неудобная неопределенность. С одной стороны, Каплин с трудом мог представить себе, что это Розовский действует в стиле недоразвитого пятиклассника, – тот, как известно, далеко не дурак. С другой стороны, кто, кроме Розовского, был в курсе пикантных подробностей его встречи с Оксаной? Тут открывался простор для предположений.

Любой опытный интриган знает, как легко поставить в тупик самым примитивным и жалким демаршем. Это как геббельсовская пропаганда: чем нелепее ложь, тем охотнее в нее верят. В общем, Каплин оказался на распутье. Повестись на подброшенную бумажку означало переоценить противника и, как следствие, потерять позицию «сверху». А в противном случае он рисковал фатально недооценить угрозу.

Кроме того, что-то было в разбитом зеркале. Какая-то комбинация из частей его размытого лица, которая воздействовала на подсознание. Чем еще объяснить сильнейшую тревогу – внезапно возникнув, она не давала ему усидеть на месте.

Он сопротивлялся как мог. Заставил себя побриться, причем делал это не спеша, тщательно и аккуратно, чтобы не порезаться. Вид крови, особенно собственной, всегда портил ему настроение, а тут настроение и без того было хуже некуда...

Потом он долго перекладывал вещи в рюкзаке, включил мини-систему, но тут же выключил; что-то невыносимое обнаружилось в музыке, неведь откуда взявшиеся диссонансы, резавшие слух, – как будто внезапно, за одну ночь, изменилось его восприятие. Впрочем, он списал это на перемену обстановки и, опять-таки, на дурацкую записку.

То и дело он украдкой посматривал на часы. В пятнадцать минут девятого он включил ноутбук и набрал приказ для «креатуры», но не стал отсылать сразу и некоторое время размышлял. Не так легко было преодолеть барьер между персонажем и живым человеком – разница ощущалась почему-то с легким чувством стыда. Пришлось напомнить себе, что «креатуры» подписались под «безоговорочным подчинением». После этого он отправил сообщение и закружил по номеру в поисках чего-нибудь, что могло бы сойти за оружие. Не нашел ничего подходящего. Складной нож годился только, чтобы резать колбасу. На глаза снова попала записка; он сложил ее вчетверо и сунул в карман.

Без двадцати девять, когда было ясно, что времени на поиски улицы Шекспира практически не остается, он выскочил из номера, запер дверь на ключ, найденный им еще вечером за стойкой портье, и загрохотал вниз по лестнице. Он спешил, но то, что он увидел на полу холла, заставило его на несколько секунд остановиться.

К старым отпечаткам за ночь добавились новые.

И это были следы ребенка, разгуливавшего босиком.

26. Лада: Не умножая сущностей

Чтобы отпереть замок на задней двери в восточном крыле отеля «Европейский», Ладе понадобилось несколько секунд. Большая часть этого времени ушла на выбор отмычки. Давненько она этим не занималась...

Войдя внутрь, она очутилась в пищевом блоке. Остаточный запах тухлого мяса, казалось, не выветрится отсюда уже никогда. Изначально его источником было, очевидно, содержимое отключенных холодильников, но запасы тухлятины пополнялись и позже – в одном из проходов между газовыми плитами Лада наткнулась на собачий скелет.

Она двигалась совершенно бесшумно, выбирая самые чистые участки керамического пола – не столько потому, что брезговала высохшим мышинным дерьмом, сколько по старой привычке (вернее, по привычке юности), которая приобрела силу инстинкта. То и дело она возвращалась мыслями к Параходу. Благодаря проведенному им сеансу наложения рук, она могла перемещаться почти свободно, а боль вяло плескалась где-то у отметки «2» по десятибалльной шкале.

Интересно, что он узнал о ней еще, кроме ее незавидного настоящего и совсем уж беспросветного будущего? Что он унюхал в тщательно замаскированной помойной яме прошлого?

Потом она задала себе вопрос попроще: насколько случайной была их встреча? А отсюда вытекал следующий, уже довольно неприятный: что он делал по приказу, а что по собственной воле? И как ей самой, после столь близкого *знакомства* с ним, отличить собственную волю от внушенной?..

Вскоре она оказалась в большом и почти пустом зале ресторана. Здесь сохранилось только несколько сломанных столов и стульев. На оркестровой площадке стоял белый рояль без крышки и с подкосившейся третьей ногой. Лада слабо представляла себе, что нужно было делать, чтобы ее сломать. Ну, может, катать по полу машинки весом в полтонны...

Она миновала полутемный бар с пустыми полками, а дальше (Лада не могла не заметить этого) начиналась зона, где любое существо, кроме птицы и привидения, оставило бы слишком очевидные следы. Во всяком случае, двуногие уже побывали тут за последние несколько дней. Она насчитала четыре разновидности следов, идущих в противоположных направлениях. Отпечатки босых детских ног заставили ее ухмыльнуться. *«Я же обещала тебе, что скучно не будет»*. Загадки, тайны, сопли Елизаветы, карлики-мутанты, зомби на улицах, инопланетяне, высадившиеся в мертвом городе, какой-нибудь долбаный местный Маугли, которого вырастили жмурики на кладбище, – она была согласна на что угодно, лишь бы заглушить в себе ожидание смерти.

Исключительно ради проверки своего вестибулярного аппарата Лада пересекла холл, ступая точно след в след по «женским» отпечаткам. Оглянувшись на лестнице, с удовлетворением отметила, что не умножила количества сущностей, и двинулась дальше в соответствии с предписанным маршрутом.

Перед дверью нужного ей «люкса» она остановилась и достала связку отмычек. На этот раз всё прошло быстрее – навык возвращался. Лада вошла в номер и заперла дверь изнутри. Одного взгляда на сейф было достаточно, чтобы понять: тут долго возиться не придется. А чего она ожидала от гостиничного номера – стандарта VK4+ для банковских хранилищ? Эта консервная банка в стене вполне годилась для того, чтобы спрятать побрякушки от горничной, хотя смотря какая горничная попадется...

Тем не менее Лада решила не тянуть – сказывался жизненный опыт, в том числе печальный. Она достала фонендоскоп и через две минуты восемнадцать секунд (засекая время по наручному хронометру) знала комбинацию.

Открыв дверцу сейфа, она начала перегружать содержимое в сумку.

Предметы, прошедшие через ее руки, Ладу не разочаровали. Становилось всё интереснее. Почти как раньше, когда она рисковала куда больше. Что сейчас могло напугать ее? Разве что перспектива сделаться под конец абсолютно беспомощной и гнить заживо, поливая вытекающим изнутри гноем всё вокруг себя. Но и такая, прежде реальная, угроза стала маловероятной, если учесть наличие добытых ею игрушек. Поэтому (и не только) Лада обращалась с ними почти нежно, как со старыми фетишами, которые утратили первоначальное значение, однако по-прежнему вызывают ностальгию. Кое-что она собиралась оставить себе – независимо от мнения «хозяина» по этому поводу.

Она почти закончила, когда в дверь «люкса» постучали.

27. Бродяга: Малышка ушла гулять

Новая луна народилась. На всякий случай бродяга еще раз сверился с отметинами лунного календаря, который занимал уже четверть стены укрытия. Эти значки, выцарапанные гвоздем в кирпичной кладке, мало что сказали бы неосведомленному человеку, но, возможно, заинтересовали бы криптографа. Бродяга шифровал календарь. Он вряд ли сумел бы объяснить зачем – ведь проникновение в укрытие кого-нибудь из чужих автоматически означало бы, что его служение кончилось и он мертв. Это был шифр ради шифра, чистое искусство. Созерцание структуры календаря, медленно расплывающегося по стене, ее завораживающая странность, выраженная в преобразовании периодичности в открытые спиральные множества, доставляли бродяге почти эстетическое удовольствие. Впрочем, удовольствие было бы бесконечно греховным, если бы он в своей слепоте и гордыне довольствовался собой. Но ничего подобного, он благоговел перед Божиим промыслом, перед непостижимостью высшей силы, действовавшей через него, убогого, двигавшей его неловкими руками и скудными мыслями. Откуда-то (возможно, от Малышки) он знал, что когда на стене больше не останется места и календарю некуда будет *продолжаться*, закончится всё.

* * *

Запасов воды и пищи было достаточно, но бродяга не хотел держать Малышку в подземелье без необходимости. В кладке имелись скрытые вентиляционные каналы, но воздух всё равно быстро становился спертым, а кроме того, девочка любила гулять, играть с цветами и насекомыми, иногда со щенками – случалось, какая-нибудь отбившаяся от стаи сучка оставляла приплод...

Когда он осторожно выбрался из укрытия и поднялся в дом, ночь была на исходе. Первым делом он выглянул в окно – там висел тонкий серп молодой луны (до чего утешительное зрелище!), а восточная часть неба уже серебрилась в ожидании восхода.

Убедившись, что календарь в очередной раз не подвел (а разве могло быть иначе?), бродяга горячо возблагодарил Господа за то, что некоторые вещи в этом безумно сложном мире поддаются расчету, и тотчас опустил глаза долу. Не стоило искушать судьбу: звезды – зрелище не для грешников, которым место в самой мрачной дыре ада. Хотя Бог и позволяет ему раз за разом убеждаться в высшем совершенстве, это не значит, что в любой момент Он не может ослепить его, если вдруг бродяга замешкается.

Он вернулся за Малышкой, которая не проснулась даже после того, как он взял ее на руки. Она спала глубоко и спокойно, внушая и ему относительное спокойствие за нее. Бродяге хотелось поговорить с ней; когда она спала так долго, он начинал скучать. В это время она отсутствовала, оставляя с ним свое маленькое тельце и перемещаясь в какой-то другой мир, о котором бродяга не имел ни малейшего понятия. Иногда она рассказывала ему о важных и необъяснимых вещах, которые могли быть почерпнуты только оттуда, – но не о самом мире. А он ни о чем подобном даже не мечтал – его сон был подобен черной яме без единого проблеска света.

Но даже такого сна за последние двое суток ему не хватало. В убежище он спал урывками, то и дело вскакивая, стоило Малышке шевельнуться. Хуже всего, что тут, в подземелье, от него ничего не зависело. В мучительном, растягивающемся до бесконечности бездействии он терял счет минутам, часам, вдохам и выдохам, пульсации крови. После того как улетели вертолеты и ушли люди, осквернившие город, появились другие – *странные*. Эти как будто вели себя

прилично – во всяком случае пока. Но всё равно они были пришельцами, которые вторглись на чужую территорию, и они несли с собой опасность.

Бродяга преданно исполнял свой долг, охраняя Малышку. Он не отсиживался в укрытии безвылазно и мог с почти чистой совестью считать, что не только Безлунник приложил руку к тому, что ушли те, первые. Он, бродяга, тоже сделал кое-что – и, возможно, это не осталось незамеченным Господом, а значит, ему зачтется. Угрызений совести он не испытывал: те люди были очень плохими. Они увезли *тихих*, которые не спрятались; они убивали бродячих собак и кошек; они уничтожили обнаруженные ими следы *посещения* – в общем, это были тупые свиньи, которые вели себя так, будто они здесь хозяева. Но бродяга знал, что они ни разу не хозяева, несмотря на свои многозарядные пушки, вездеходы, вертолеты, камеры слежения и свое *излучение*, пронизывавшее всё вокруг. Бродяга не ощущал излучения – о нем ему рассказывала Малышка. Она чувствовала зуд – не кожей, а внутри себя, костями, – и он не знал, как ей помочь. Для него это был еще один повод ненавидеть пришельцев и желать, чтобы они сгнули в одночасье... или как получится.

Преодолевая сонливость, он поспешил вынести Малышку на свежий воздух. Уселся под деревом в саду, положил девочку на траву и стал смотреть, как она спит. Почувствовал умирание, тепло в груди, почти счастье, когда увидел, что ее щеки порозовели...

Вскоре его разморило. Он ощущал на лице прохладу с вкраплениями солнца. Прикрыл глаза. Стало почти темно. Подкралась зеленоватая мгла, сгустившаяся под листьями деревьев, – это был еще не сон. Птицы пели, как в раю, путь в который ему навеки заказан. Он всё же потянулся туда – не телом, конечно, а усталой душой, – но на дороге подстерегала бездонная яма, западня, вырытая дьяволом. Он провалился в нее, не заметив, и потом уже не видел ничего, кроме темноты.

* * *

Когда он проснулся, Малышки рядом не было.

Это заставило его проснуться еще раз, если только такое возможно, – он будто перешел на более высокий уровень бодрствования с повышенной остротой восприятия. И с повышенным уровнем страха божьего. В первую секунду страх в нем зашкалил, и он задрожал, как лист на ветру, ожидая, что в следующее мгновение будет сорван и унесен в небытие. Но ветер из преисподней, вестник неминуемой расплаты, лишь коснулся его своим ледяным дыханием...

Потом бродяга немного успокоился. Малышка могла уйти погулять одна – такое изредка случалось и раньше. Правда, она покидала его ненадолго и уходила недалеко. Ну а кто сказал, что и на сей раз она скоро не вернется? Он вскочил на ноги и бросился искать ее, чтобы приблизить момент, когда увидит ее живой и здоровой.

И неспящей.

28. Розовский: Девочки во сне и наяву

«Европейский» был, конечно, не единственным отелем в городе. В двух кварталах от него находилась гостиница «Дружба», о чем любезно уведомляла отпечатавшаяся в мозгу карта. Она же привела Розовского на место. При виде шести букв на фасаде он спросил себя, почему никогда не видел гостиницы с названием «Любовь». Звучало бы неплохо: «Недельку прожил в «Любви». Чисто, уютно, сотня в сутки».

По дороге он, правда, заглянул в здание бывшей мэрии, оказавшееся начисто лишенным мебели и засраным сильнее любого другого в центре, причем в буквальном смысле слова. Видимо, тут срабатывал какой-то человеческий инстинкт, для которого даже Розовский затруднился сразу подобрать точную формулировку. В конце концов он остановился на «анти-властном рецидиве анальной фазы».

В «Дружке», встретившей его девственно-нетронутой контрольно-следовой полосой пыли, он выбрал себе сносный номер, и постепенно к нему вернулось утраченное душевное равновесие. Приказ для «креатуры» он отбарабанил, руководствуясь не сиюминутными эмоциями, а уже вполне продуманной тактикой действий.

Ночью ему приснилась Машка. Во сне она *наказывала* его в своем неповторимом стиле – впрочем, как-то игриво, не больно, не всерьез, словно и она понимала: он ни в чем не виноват, в «Европейском» имела место дурацкая случайность из тех, от которых невозможно застраховаться.

Под утро промелькнул еще один, странный, сон, который удивил Розовского, вообще-то не замечавшего за собой склонности к педофилии. Он увидел маленькую девочку – лет пяти-шести – неведомо как попавшую в номер и сидевшую на краю кровати. Он различал ночную гостью в почти полной темноте, возможно, лишь благодаря ее глазам, ярко сиявшим и напоминавшим осколки луны, которые словно излучали собственный свет. Она была совершенно голая, но, кажется, не испытывала от этого ни малейшего неудобства – во всяком случае, Розовский даже во сне почувствовал, что она рассматривала его как-то по-хозяйски, без страха и тем более не собираясь играть с ним в его любимые игры. Девочка явно не являла собой Машкину аватару, в чем он чуть было не заподозрил поначалу свое подсознание.

Исчезла она так же незаметно для него, как появилась, – в очередном приливе ночной мути, делающей одинаково расплывчатыми явь, бред и сны. Потом снова уверенно и весомо приснилась Машка, которая, прошептав ему в ухо: «На малолеток потянуло, кобелиная морда?» – на этот раз взялась за него по-настоящему. Удары хлыста ощущались им чертовски реалистично; в какой-то момент он даже решил, что снился-то ему как раз долбанный город, а на самом деле он всё еще дома с Марией и до запуска проекта остается... остается... достаточно времени (и надо обязательно найти новое место для тайника!)... а между тем Машка прочувствованно подводила его к оргазму, но вдруг стала пропадать по частям, будто кто-то стирал рисунок мелом со школьной доски.

Он проснулся возбужденный и в хорошем настроении. Несколько минут он лежал, немного жалея об отсутствии Машки наяву и ожидая, пока его распирающий труссы друг поймет, что на самом деле хозяину хочется в сортир. Вскоре они пришли к полюбовному соглашению, и Розовский вдруг вспомнил луноглазую девочку, когда стоял над унитазом, бачок которого был сух как лунный кратер. Он спросил себя, с чего это он взял, что она ему приснилась, и не смог ответить на простой вопрос. Дверь он, конечно, на ночь не запирает, хотя изнутри можно было запереться и без ключа. Озадаченный, он осмотрел номер, даже потянул носом воздух и, не обнаружив никаких признаков ночного визита, вышел в коридор.

Отчетливые, не вызывающие никаких сомнений, следы босых детских ног он увидел уже на лестнице. Значит, все-таки правда... Те почти фантастические слухи, которые бро-

дили вокруг непонятной, замалчиваемой и наверняка частично фальсифицированной истории с *исходом*, вдруг начали обретать вполне зримые очертания.

Вот тогда-то Розовский испугался и одновременно чуть ли не обрадовался этому. Страх неизвестности обострял его инстинкты и, возможно, действительно провоцировал талант на сомнительные, но хорошо продаваемые подвиги. Предчувствие чего-то подобного зародилось в нем уже в тот день, когда он узнал об исчезновении Бульдога, так и оставшемся нерасследованным. Проект выходил из-под контроля – это означало, что его участники постепенно превращались в потенциальных купальщиков на берегу незнакомой реки, вода в которой час за часом поднималась и грозила разливом. Рано или поздно в темную воду придется нырнуть всем – даже тем, кто не хотел и не собирался купаться. А также тем, кто вообще не умел плавать.

Розовский имел перед остальными небольшую фору: он заранее знал о возможном «наводнении»... ну и еще сознательно мутил воду. А теперь ненароком выяснялось, что муть, поднимавшаяся со дна реки (в том числе и его стараниями), многократно превосходит его ожидания.

Он снова почувствовал возбуждение – на этот раз творческое. Его так и подмывало вернуться в номер и отстучать пару страниц для будущей книги – интригующее и ударное вступление. Но фразы и без того сложились у него в голове; он решил, что память не подведет, а книга никуда не денется.

Розовский закурил, чтобы унять неврастеническую дрожь. Тут уже дело было не только в миллионе евро. Он почуял запах гандиозной сенсации, которую можно разменять и на гораздо более крупную сумму, да еще стричь купоны всю оставшуюся жизнь...

Он докурил сигарету до самого фильтра и действительно немного успокоился. Посмотрел на часы – до условленного времени встречи с «креатурой» оставалось полчаса. «Не подведи меня, дорогуша», – подумал он чуть ли не с нежностью. Если его подозрения оправдаются, игрушкам из сейфа не будет цены.

29. Каплин идет по стрелке

Он не знал, куда идти, а спросить было не у кого. Себя удалось уговорить довольно быстро: «улица Шикспира» не должна находиться далеко – иначе записка теряет смысл. Он решил двигаться по расширяющейся спирали, начиная с ближайшего переулка. Слабая надежда, что в каком-нибудь газетном киоске отыщется карта города, вскоре сошла на нет: один, попавшийся ему на глаза, представлял собой обгоревший металлический каркас, в другом, неплохо сохранившемся и с уцелевшими стеклами, завалялись только слипшиеся от влаги старые газеты.

Без пяти девять он понял, что не успевает, и спросил себя, какого черта надо было вообще выходить из отеля. Теперь он, как дурак, бегаёт по городу, а Оксана, может быть, дрыхнет где-нибудь поблизости или – еще смешнее – ждет его в номере, готовая осуществить то, что сорвалось вчера из-за незваного гостя. Так кто он, Каплин, после этого?

Разве он воспринял угрозу всерьез? Разве хоть на секунду мог представить себе труп Оксаны с проломленным черепом или с темной полосой вокруг шеи и выющихся над телом мух? Честно говоря, мог – и даже очень ясно, со множеством физиологических и прочих подробностей, делающих картину смерти такой *достоверной*, – но и достоверность была заточена не под ту действительность, в которой существовал он сам, а под другую, параллельную, в которой стремительно и ярко протекает иная жизнь, где всё плохое случается не с нами, а если вдруг с нами, то помощь приходит откуда не ждали, и даже конец света воспринимается как щекочущая самолюбие возможность почувствовать себя избранным: еще бы, вот он я – дождался конца спектакля и стану свидетелем того, как упадет занавес, но при этом рискую только тем, что не будут удовлетворены мои эстетические запросы, впрочем, и риск-то плёвый, ведь всегда можно выбрать себе иллюзию по вкусу...

Задавая себе вопрос, почему нам так нравятся игры со смертью, пока она заперта в клетке воображения, Каплин не нашел ничего лучше, кроме как предположить: возможно, мы всё еще заклинаем демонов, гораздо более жизнеспособных, чем нам кажется. Значит, было что-то, ускользнувшее от сознания, какая-то малозаметная деталь, обманувшая его на уровне инстинкта. Всем своим здоровым, трезвомыслящим, устойчивым и оптимистично настроенным нутром он ощущал некую диспропорцию между причиной и следствием, некое нарушение законов жанра, в котором в качестве автора чувствовал себя как рыба в воде.

Дойдя до очередного перекрестка и свернув на улицу, которая вела приблизительно туда, куда ему было нужно, то есть в сторону отеля, он прочитал табличку на стене ближайшего дома. Каплин остановился и посмотрел на часы.

Было девятнадцать минут десятого. Если бы он писал роман, персонажем которого чувствовал себя в эту минуту, у Оксаны, пожалуй, не осталось бы ни единого шанса. Шестое, седьмое (сколько их там?) чувство автора полутора десятка хорошо раскупаемых триллеров подсказывало ему: кому-то пора умереть.

Видит бог, он не был кровожадным человеком и моральным уродом, готовым угробить девушку (причем девушку, с которой еще даже не переспал!) ради невнятного зова псевдо-реальности, – но есть в литературе своя неумолимость, которая не чета неумолимости жизни: последняя, не заботясь о хорошем вкусе и соразмерности, безжалостно обрывает сюжеты и подвешивает концы, а первая настолько слепо влюблена в себя, что давно превратилась в бесконечную череду самопародий в их худшем варианте – без намека на глумливую ухмылку шута на чужих похоронах...

«Старичок, чего ты паришься? – сказал он себе. – Ты проникся чужими проблемами, не поленился, сбегал по вызову, перестраховался, рискнул выставить себя дураком. Ты пришел и увидел своими глазами: никаких мертвых девушек. Всё хорошо, все живы. Теперь со спо-

койной душой отправляйся в отель и трахни ее. Сегодня ты заслужил конфету, так пойди и возьми. Кто-то сыграл с тобой в эту игру, и когда-нибудь ты узнаешь, кто и зачем...»

Однако в благодушном настроении он пребывал недолго – ровно до тех пор, пока не заметил стрелу, нарисованную на асфальте белым мелом. Большая, неровная, наведенная несколько раз, она указывала в направлении, противоположном его устремлениям. Основанием ей служила надпись печатными полуметровыми буквами поперек тротуара: «ЗМЕЙ ТАМ ПОПА ТОЖЕ». Каплин не был графологом, но что-то подсказывало ему, что у подброшенной в номер записки и указующей надписи один и тот же автор.

Он без колебаний прошел бы мимо и вернулся в отель, если бы не один пустячок: рядом с надписью, под буквой «Ж», лежали черные женские трусики, очень похожие на те, которые он вчера стягивал с Оксаны.

«Твою мать! – подумал Каплин чуть ли не вслух, имея в виду ублюдка, развлекавшегося за его счет. – Что ж ты никак не угомонишься, а?»

Несмотря на чрезвычайную легкость и тончайшие обводы, трусики снова склонили чашу весов в пользу дальнейших поисков. Испытывая чуть ли не отвращение к себе, взятому на поводок столь примитивной и в то же время убедительной аргументацией, он поплелся туда, куда указывала стрелка. Улица Шекспира была застроена добротными многоэтажками – как некогда жилыми, так и общественного назначения, – и без дальнейших указаний ему пришлось бы бродить среди них очень долго.

Но заблудиться Каплину не дали. Следующая, Г-образная, стрелка поджидала его точно на расстоянии потери из виду первой. Напрашивался вывод, что либо он все-таки имеет дело со взрослым человеком, либо с забавами своеобразно развитого вундеркинда, способного предвидеть и учитывать даже разницу в росте. В свете этого текст очередного сообщения еще сильнее сбивал с толку: «АПАЗДУН ТЫ ЗМЕЮ КАНЕЦ СПАСАЙ ПОПУ». На этот раз мел был красный.

Испытывая нешуточные угрызания совести по поводу своего «апаздания», Каплин свернул по стрелке в подворотню, через которую попал в большой внутренний двор шестиэтажного дома старой постройки с мощным цоколем. Он слегка засомневался, не была ли надпись рекомендацией спасти *свою* задницу, раз уж ничью другую спасти не удалось. Да и красный мел, вероятно, символизировал переход на повышенный уровень опасности.

Каплин остановился посреди двора и обвел беглым взглядом нависавшие с трех сторон стены с хмуро надвинутыми козырьками крыш. В самом дворе не за что было зацепиться глазу. Закатанная в асфальт плоскость нарушалась только многочисленными попытками взлома со стороны растительности. Кое-где это удалось – из трещин торчали молодые кусты, впрочем, негустые и просматриваемые насквозь. Для очистки совести Каплин заглянул за трансформаторную будку, в которой уже ничего и ни по ком не гудело. В узком проходе между задней стенкой будки и забором было пусто, если не считать сломанных детских санок.

Как выяснилось позже, он не там искал. Снова повернувшись лицом к дому, он стал внимательно рассматривать его с другой точки, надеясь узреть какой-нибудь знак. Знаков упадка и запустения было хоть отбавляй, начиная с колыхания рваных штормовых занавесок и заканчивая стайкой птиц, которая выпорхнула из какого-то окна. Воображение тут же дорисовало (а он и не сомневался) летучих мышей, висящих в сумраке чердака в ожидании ночи. И пару скелетов в здешних квартирах – кого-нибудь из неходячих и одиноких наверняка *забыли*, когда всё началось... вернее, кончилось.

И снова Каплин не заметил ничего такого, что недвусмысленно указывало бы на место встречи или страшную находку, о которой он уже думал как о вероятности, наполнявшей желудок холодком. Внятную наводку он получил лишь тогда, когда принялся обходить подъезд за подъездом. Открывал дверь, заглядывал в темноту и закрывал, потому что не видел повода туда соваться. Повод явил себя в виде надписи на внутренней стороне двери четвертого подъ-

езда: «ПАПРОБУЙ 69». Надпись была сделана чем-то красным, но не мелом (и не кровью, а то б его стошнило от патетики), – возможно, губной помадой.

Последнее искушение вернуться оказалось самым сильным. Если это шутка, то смешная часть, которой он не заметил, давно закончилась, а урок он уже усвоил. Если все-таки ловушка, то дальше будет только хуже...

Но тот, кто оставил на асфальте и на двери следы выделений из своего необычно расположенного органа юмора, знал, как подогреть слегка остывший интерес к этой игре. Каплин услышал сдавленный женский крик, донесшийся откуда-то с верхних этажей. Если бы он писал сценарий данного эпизода, то не преминул бы уточнить, что вопль был нечленораздельным и звучал так, словно душили вырывающуюся жертву.

В общем, он практически не оставил себе выбора. Трусом он не был и даже иногда переводил старушек через дорогу – более чем достаточно, чтобы ложиться спать с чистой совестью.

Пока он взбегал по лестницам, перескакивая через две ступеньки, перед мысленным взором промелькнули человечки в позе «69» (*папробуй!*), символы «инь-янь», номерок из гардероба, где у него когда-то украли флэшку с текстом неоконченного романа, и, наконец, номер квартиры на пятом этаже, к которой он приближался по восходящей спирали, навитой вокруг шахты лифта. В гулком пространстве подъезда эхо собственного топота настигало его многократно, словно вслед за ним поднималась еще пара невидимок. Однажды ему показалось, что наверху возникла какая-то возня, но эти звуки, скорее всего, издавали потревоженные голуби, которые, как выяснилось, оккупировали площадку между четвертым и пятым этажами.

Дверь квартиры номер шестьдесят девять оказалась приоткрыта – явная любезность, поскольку это была хорошая стальная дверь с двумя сейфовыми замками. На этаже имелось еще две квартиры; проходя мимо них, Каплин проверил обе двери (зачем? может, опасался нападения сзади?) – заперты.

Внезапно наступившая тишина действовала на нервы, и без того натянутые, будто струны визгливой скрипочки, отзывающиеся на малейшее прикосновение. Возможно, у него заложило уши от слишком быстрого взлета – во всяком случае, даже голуби заткнулись. «Дался тебе этот сейф, – с явным запозданием подумал Каплин. – Надо было захватить с собой “креатуру”...»

Он взялся за ручку и потянул на себя. Увидел просторную прихожую с прекрасно сохранившимися и, пожалуй, ценными предметами обстановки, без признаков борьбы или смертоубийства. Когда-то тут обитали люди небедные и с претензией. Со стены скалилась какая-то маска (демон-охранник, что ли?), однако эта тихая агрессия смягчалась двумя хорошо подобранными гравюрами идиллического содержания. Свет падал из соседних помещений; Каплин насчитал три дверных проема, один из которых уводил в длинный коридор, а тот, что слева, похоже, вел на кухню.

Какое направление ни выбери, неизбежно подставишься. Беспримыслием вариантом был один-единственный – сидеть дома и писать книги. Отличная жизнь, если вдуматься. На что он, недоумок, ее променял?..

Каплин сделал шаг в сторону коридора. На него повеяло воздухом от внезапно открывшейся двери, почти незаметной на фоне стены. Овернуться он не успел, хотя и пытался.

Кто-то прыгнул на него сзади.

30. Лада: «Кто это тебя так?»

Она даже не вздрогнула. То ли нервы были крепче всего остального, то ли она подсознательно ждала чего-то в таком роде. Тем не менее ее роль подразумевала определенную линию поведения, иначе пострадал бы замысел «хозяина». А время положить на «хозяина» еще не настало: по любым канонам это была только завязка интриги.

Лада бесшумно и без суеты переправила в сумку последний предмет, положила в опустевшую камеру компакт-диск, который принесла с собой, закрыла сейф и установила ручку с лимбом в исходное положение. Возможные пути отхода ее не интересовали – она была не в той форме, чтобы лазать по балконам (хотя второй этаж и не бог весть какая высота). А главное, в ее глазах вероятные проблемы не стоили выведенного яйца.

Стук повторился – на этот раз он был более настойчивым. Кто-то определенно знал, что номер не пустует... или сильно на это надеялся. Лада достала сигареты и зажигалку, уселась в кресло и закурила. Давно она не получала такого удовольствия от табака. Подумала, не включить ли мини-систему, стоявшую на столе, но решила, что это будет выглядеть чересчур нарочито. «*Да и перед кем тут выёживаться, хренова ты Мата Хари...*»

В дверь забарабанили – это уже отдавало истерикой. Словно в подтверждение, раздался крик: «Помогите!»

Дверь «люкса» была добротной, и Лада услышала приглушенный вариант, но она узнала голос. Позвать на помощь так *деликатно*, словно заранее попросив извинения за причиненное беспокойство, могла только эта забитая Елизавета. Впрочем, отчаяние в голосе прозвучало вполне натурально.

Лада сделала еще одну затяжку, прикидывая все «за» и «против». Дело решило отвлеченное соображение: если вдруг за этой дурочкой действительно явился ее благоверный, Ладе доставило бы несказанное удовольствие врезать ему по яйцам. Не говоря уже о более членопасных воздействиях...

Она достала из сумочки одну из *чужих* игрушек, проверила обойму и сунула пистолет за пояс. Затем подошла к двери и открыла замок.

– Т-ты?! – проговорила Елизавета потрясенно. – Что ты здесь делаешь?

М-да. С такой рожей и не на съемочной площадке – какая потеря для кинематографа... Первое, в чем Лада убедилась, – непосредственная опасность Елизавете не угрожала. Жертву домашнего насилия никто не преследовал; в коридоре, кроме нее, никого не было. Она уже свое получила, правда, результат выглядел как-то слишком декоративно. Несмотря на впечатляющие переливы синевы на Елизаветином лице, Лада мгновенно оценила реальную тяжесть повреждений. Не покалечена, передние зубы на месте, открытых ран и крови нет, глаза если и заплыли, то самую малость. Женские удары. Или детские. Или не удары вообще.

– Чего орешь? – сказала Лада спокойно, словно они встретились не в чужом номере отеля посреди города, где (теперь это было ясно) могло произойти всё что угодно.

Елизавета молчала. Нижняя губа у нее тряслась.

Лада разглядывала ее с легкой иронической улыбкой. Если бы она хотела кого-нибудь проучить, пострадавшая сторона выглядела бы примерно так же.

– Заходи, – она сделала приглашающий жест и повернулась боком, пропуская *бедняжку*, чтобы не показывать той спину.

Елизавета робко вошла, рыская взглядом по сторонам, словно ожидала увидеть кого-то еще. Лада уловила исходящий от нее слабый запах. Аромат стал еще одним фрагментом мозаики, которая теперь сложилась почти полностью. Кроме всего прочего, это означало, что количество пешек на доске увеличивается не по дням, а по часам.

– Кто это тебя так? – спросила она, уже зная ответ.

– Не знаю. Всё случилось еще ночью...

Пользуясь тем, что Елизавета задержала взгляд на дверце сейфа, Лада быстро вытащила пушку из-за пояса и положила в сумку. Не обошлось без металлического стука, который заставил Елизавету вздрогнуть.

– Ты хоть что-нибудь видела? – Ладу начинал забавлять этот спектакль. Она бросила взгляд на часы – времени еще предостаточно.

– Он был в куртке с поднятым капюшоном. Среднего роста, бородатый...

– Насколько я понимаю, не твой?

– Если бы мой, меня бы здесь не было.

«Это верно, – подумала Лада. – Если только ты и его не придумала. Ладно, хватит дурочку валять».

– Я пошла, – сказала она, подхватывая сумку, которая оказалась для нее чересчур тяжелой. В голову ударило чернильное облако, и Лада с трудом сохранила равновесие. А Парашода-то поблизости не было...

Елизавету, похоже, ее намерение поставило в тупик.

– Как пошла?

– Так пошла. Ножками.

– А мне что делать?

– Выполнять приказ. Хотя мне почему-то кажется, что с этим у тебя возникнут проблемы.

Уходя, она не оглянулась, иначе увидела бы, что во взгляде, которым провожала ее Елизавета, не осталось ничего от вчерашнего благоговения.

31. Паракход идет по следу

Он слегка погрешил против истины, когда сослался на то, что у него, дескать, «другое задание». На самом деле он не получил еще ни одного приказа от своего «хозяина». Слово «хозяин» ему не нравилось, особенно применительно к юной светловолосой девушке, неуловимо похожей внешне на его первую «взрослую» любовь, поэтому про себя он по старой привычке называл ее чувихой. Внутри нее он углядел еще не преодоленную наивность растущего существа – чего бы она ни понаписала в своей книжонке. Паракход по собственному опыту знал: пока в тебе ничто не умерло, даже самая черная меланхолия – всего лишь поза.

В отличие от чувихи, в женщине с серыми глазами, которую смерть уже пометила знаком первой очереди, не осталось почти ничего от обычного женского притворства и еще меньше от тщеславия. С ней было легко, как с животным, но не поэтому он облегчил ее страдания (что, кстати, ему недешево обошлось). Это действительно была сделка – вот тут он не покривил душой.

Оказавшись рядом с ней и дав ей напиться воды из своих рук, он увидел короткий фильм о ее будущем, состоявший, правда, из обрывков и остро нуждавшийся в перемонтаже, а местами и в цензуре. Его видения множились в полном соответствии с непрерывным дроблением вероятностей. В одном из этих видений она умирала, в другом – спасала ему жизнь.

С привязкой по времени Паракход испытывал трудности, поскольку в его мозгу прекрасно уживались параллельные варианты. Он словно видел древо событий целиком, хотя понять, какая из ветвей отрастет раньше, было почти невозможно. Но он мог, по крайней мере, действовать, исходя из собственных приоритетов. Что же касается его обреченной партнерши, между крайними вариантами ее судьбы имелось бесчисленное количество промежуточных – и все они были для нее более или менее мучительными.

* * *

Он стоял на месте смерти Бульдога.

Что-то здесь было не так. В конце концов любая точка на земной поверхности рано или поздно становилась местом чьей-либо гибели, но обычно эти смерти укладывались в общий контекст, являлись сливающимися в более или менее равномерный фон частями одной и той же извечной картины: либо пищевая цепочка, либо старость и мирное угасание (вроде усыхания деревьев), либо что-нибудь «человеческое, слишком человеческое» – ненависть, бессмыслица, жадность, безумие, ревность, месть... и почти всегда – боль, глухая или яростная.

В этом месте не было боли. Он ощущал только холодную, непроницаемую, чуждую силу – и вдобавок испытывал чувство, подобное досаде от неудачных попыток проникнуть сквозь отполированную металлическую поверхность. Хоть башку расшиби – увидишь только свое отражение и, может быть, собственную кровь...

Такое с ним случалось всего дважды. Первый раз – в детстве, едва он начал осознавать свой дар (или свое проклятие) и обнаружил, что видит то, что остается для других либо неусветной чушью, либо тайной, либо чем-то таким, о чем не говорят в приличном обществе. Тогда он еще не знал, что такое «приличное» общество, вернее, не умел отличать его от неприличного, и потому жестоко поплатился за слишком длинный язык. С тех пор Паракход значительно поумнел, однако особой разницы между человеческими особями, сбивавшимися в более или менее устойчивые группировки, по-прежнему не усматривал, несмотря на декларируемые ими критерии отбора и принципы существования. Различия исчерпывались чисто внешними проявлениями или наведением лоска, который мог обмануть или ослепить только

людей, чье стремление к стадности имело силу инстинкта самосохранения, а зачастую его и подменяло.

Второй раз, когда Параходу довелось столкнуться с непостижимой силой, был сравнительно недавно. И тогда он испытывал абсолютно те же ощущения, что и сейчас, – они врезались ему в память, словно тепловыделяющие элементы реактора, которые поддерживают тлеющую реакцию в атомном котле. Вряд ли это было простым совпадением.

Стоило Параходу задуматься о скрытых мотивах своего участия в проекте, и ему сделалось не по себе. Так ли уж он стремился произвести революцию в массовом сознании? Ведь он был абсолютно уверен в том, что всякая революция сначала пожирает чужих детей, а потом принимается за собственных. Значит, истинная цель была другая, только он ничего не знал о ней. Это лишало его точки опоры, превращало в трясину и без того зыбкую почву, на которой он пытался удержаться в мире, давно забросившем в дальний угол идеалы всеобщей любви. Мысль о том, что он может оказаться всего лишь марионеткой в чужих руках, была непереносима. Возможно, именно эта непереносимость теперь толкала его на поиски причин необъяснимой смерти.

* * *

Он двинулся по невидимому следу, оставленному мертвецом. След-то был, а картинка, хоть убей, не возникала. Не помог даже астральный косяк, который Параход «потянул» для обострения чувств. Чувства в самом деле обострились: он слышал шорохи насекомых в траве и гул самолета, пролетавшего на многокилометровой высоте, увидел радугу там, где до этого различал только остатки утреннего тумана, унюхал собачий дух, которым несло из переулка, – но, к сожалению, не сумел восстановить цепочку интересовавших его недавних событий.

Создавалось впечатление, что кто-то изрядно купировал хронику происшествий. В результате осталась «запись» о смерти и личности мертвеца, однако вся информация об убийце и способе убийства была стерта. Или не записывалась вообще. Параход допускал, что и такое возможно, хотя прежде ему не доводилось сталкиваться ни с чем подобным. Кошмар развевается – только жертвы не просыпаются. Это означало владение высшим пилотажем, до которого самому Параходу было как пешком до Луны. Складывалась не слишком благоприятная для него ситуация, но он и не рассчитывал здесь хорошо отдохнуть.

След уводил через частный сектор в сторону окраины. О том, что там находится, Параход начал догадываться задолго до того, как увидел ограды, кресты и скорбящих ангелов. Некротический шлейф Бульдога порой ослабевал настолько, что становился неразличимым; вдобавок на подходах к кладбищу усилился фон от других, менее свежих мертвецов. Параход едва не потерял «своего» в этом загробном хоре и лишь ценой невероятного напряжения схватился за ускользающую путеводную нить толщиной с паутину.

Как водится, пришлось заплатить здоровьем: у него разболелась голова, затем хлынула кровь из носа. Платков в карманах он сроду не держал, да и многовато оказалось кровищи. Он был вынужден сесть на землю, прислонившись к столбу, и несколько минут сидел с запрокинутой головой, пока кровотечение не прекратилось.

Да, пожалуй, это было чересчур для одного дня: сначала оформить отсрочку для сероглазой, а теперь заявиться вынюхивать в законных владениях костлявой. Многовато на себя берешь, чувак... как бы не надорваться.

Кладбищенские ворота были открыты, калитка тоже. Никем и ничем не сдерживаемая растительность вплотную подступила к зданию конторы и уже ломилась в окна. Странное дело – след вел в контору, как будто мертвеца сначала втащили туда, чтобы уладить формальности. И хотя Параход по-прежнему не чуял того или тех, кто убил Бульдога и возился с ним после

смерти, он даже в шутку не думал о том, что тот мог проделать свой последний путь без посторонней помощи.

Чистая работа. Настолько чистая, что от этой стерильности становилось не по себе.

В поисках хоть какой-нибудь зацепки Параход зашел в контору. Здесь протекала крыша и, несмотря на открытые двери, стоял затхлый заплесневелый дух. Кабинет директора кладбища производил впечатление чего-то слегка патологического: на видном месте, в рамке под стеклом, висела грамота от городских властей «За предоставление качественных услуг» (хорошо что не за «перевыполнение плана», подумал Параход); на столе и на несгораемом шкафу были расставлены глиняные фигурки и дешевые детские игрушки, причем все они без исключения имели какой-либо недостаток, словно их подобрали такими на свалке или специально калечили – вероятно, для создания особой атмосферы.

Что было в голове у директора, проводившего здесь по несколько часов ежедневно, затруднялся сказать даже Параход. Не исключено, что этот человек (лет сорока, приятная внешность, ноутбук, серый «джип» – всё это Параход увидел во мгновенной вспышке, дотронувшись до коричневой пластмассовой собаки с выпавшими глазами) просто пытался таким образом отвлечься от рутины. Мысль, что это *сувениры* на память (о ком?! о чем?!), мелькнула вскользь, однако смахивала на правду. Он поспешно ее прогнал.

Параход определил стул – один из пяти, – на который усадили мертвого Бульдога, но зачем и что тут происходило, понять не мог. В зеркальной ловушке грязных окон тоже ничего не задержалось; как назло, в одном из них имелось аккуратное круглое отверстие, послужившее «сливом», через который ушла информация.

Параход, которого уже тошнило от извращенных игрушек, вернулся на крыльцо конторы и посмотрел вглубь кладбища, куда ему предстояло отправиться. Никто его к этому не принуждал; никаких обязательств перед мертвецом у него не было. И тем не менее он знал, что пойдет. В его положении только таким способом можно противостоять странным влияниям, исходящим из «мертвой зоны» – черного непросматриваемого участка собственной судьбы.

32. Розовский: «Чашечку кофе?»

– Принесла? – рявкнул он, уже не скрывая нетерпения.

Ему было не до вежливости – она опоздала на пятнадцать минут, а значит, по его разумению, нарушила пункт правил о точном и обязательном исполнении инструкций «хозяина». Единственное, что ее оправдывало, – она была бабой. Что с них возьмешь. Ни одна на его памяти не могла явиться куда-либо вовремя, даже если находилась в ста метрах от пункта назначенной встречи и при этом имела получасовой зазор и швейцарский хронометр. Ни одна, мать их! Ни разу. Даже Машка всегда опаздывала на минуту или две. Но не на пятнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.